

Константин Рассадин

Галина

Реквием
по утраченной
любви

г. Тольятти

Черемшан

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С чего начать?

Наверно, с речки Черемшан –
Река и жизнь одно имеют русло,
Но как порой бывает сердцу грустно
Смотреть в окно сквозь утренний туман:
На миражи плывущих берегов,
На силуэты призрачных деревьев...
Не зрению, душе одной доверив
Предзимние пейзажи на Покров.

Покров Великой Матери Земли,
Над Русью распростёртый
 дивным платом –
Зарёй неспешной, медленным закатом,
Костром ночным, припрятанным в угли.
Светло и дивно на Руси душе –
Воробушку на ломкой ветке тонкой...
О, Божья Мать, мне с твоей иконкой,
Как говорится, рай и в шалаше!

А жизнь и речку, как не назови:
Удачей ли иль Чудом в День Покрова?
Я об одном хочу замолвить слово:
О Женщине своей и о Любви.
Пусть гол и нищ

 мой тюркский Черемшан –
Леса на берегах до срока оскудели,
Но всё равно в его родной купели
Родится всяк, любовью осяян.

И было так. Лёг первый чистый снег
На городские тихие задворки,
И окна приоткрыли тайно створки,
Скользя глазами в мой двадцатый век.

Я в нём уже коптил девятый год,
Дымил ворованной у дядьки сигаретой,
Обрызган грязью царственной кареты,
Промчавшейся в людской водоворот.
Не мог я знать, что в ней везли тебя
В кричащей ослепительной пелёнке.
Стоял я, возмущенный, чуть в сторонке,
Возницу клял лихого ноября:
- Куда ты гонишь, пакостный дурило!? –
Пора бы совесть всё-таки иметь.
А солнце в бойкий полдень восходило,
И снежная унялась круговерть...
Растаяла от жгучего накала...
Передо мною прежний Мелекесс –
Провинциальное городишко без принцесс,
Хоть говорят, царица в нём бывала...
Из Петербурга совершив вояж...
Екатерина, кажется, Вторая
Устроила себе кусочек рая,
Венерой украшая местный пляж.
По бережку ходила в неглиже
И белы ножки в Черемшане мыла,
А что ещё здесь, не было иль было,
За далью лет не видимо уже.

* * *

6 ноября 1956 год

За далью лет у солнечной реки
В старинном граде росов Мелекессе,
И с той поры рассказы о Принцессе
Роились правде грубой вопреки.
Не с тех ли лет мой дивный Мелекесс
Иметь желает собственных принцесс?
Вот тут-то и Галина родилась...
А мать её – царица пищеблока...
А батюшка –
алтайский смерд с Востока –
Шофёр полуторки...
Ну, прямо – тюркский князь!
Мать грудью кормит царское дитя.
Отец стеснительно к жене прижался боком.
Ладком-рядком на брёвнышке у окон
Сидят они, объятия сплетя.
Пусть не высок их терем-теремок
И ходит ходуном в осеннее ненастье,
Под этой крышей - солнечное счастье,
Над этой крышей – пляшущий дымок.
Ночной небесный светел окоём.
Не грех и рюмку выпить в полнолуние.
Грустна супруга – знатная певунья:
- Давай с тобой, Николенька, сплём...
Печальную и долгую про «три сосны»
На Муромской дорожке, что стояли:
Вы, мужики, поймёте нас едва ли –
Мы, бабы, все виновны без вины.

И в тишине так тихо начала
С тягучего российского распева.
Запела женщина... судьбу Руси запела,
Что даже в смерти, в гибели светла.
И исполать! С седых былин велось
Петь о несчастьях, скорби не скрывая.
Поёт душа бессмертная, живая
О том, что каждый в этом мире гость.

Вот в зимний час в степи замёрз ящик,
Вот меж хлебов убитый незнакомец...
Вот с пьяной дури влез на подоконец
С петлёй на шее – и висит мужик...
Но больше женщин... Боже мой!
Свихнуться можно при лихом подсчёте...
И всякая погибшая – в почёте!
И плачь-не плачь, а песенку допой.

Совсем обмяк серьёзный Николай,
А ведь смеялся, веселился давишь:
- Эх, Александра, сердце припекаешь...
Давай-ка про другое затевай!
Рассветный луч в окно едва проник.
И Александра выпрямилась статью,
Разбрызгала цветы рукой по платью,
И что-то в ней сменилось в тот же миг.
Наверно, это удалю зовут
Иль даже бунтом женщины-гордячки:
Душа ль очнулась вдруг от грустной спячки,
Иль чертенята душу достают...

Багрянцем месяц светит у реки:
Там, за рекой, бушует где-то море.
Лодчонка утлая на гибельном просторе,
И в ней – лишь двое в выплеске тоски.
Он и она. И лепет волн у скал.
Они, как лебеди, в смертельном ритме танца.

*«Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал...»*

Коварное согласие в ответ:
- Ставь парус. Еду я охотно.
Всё решено уже бесповоротно,
И возвращенья на берег им нет.

*«...Меня обманул ты однажды,
Теперь я тебя провела.
Взгляни же, вот ножик булатный -
Его я не даром взяла.
И это сказавши, вонзила
В грудь ножик булатный ему.
Сама ж с обессиленным сердцем
Нырнула в морскую волну.
Наутро утихла та буря,
И волны, лаская песок...
Прибило два трупа холодных
И в щепки разбитый челнок».*

Такие песни на беду поют...
Но что поделать, если сердце чувствует:
Беда как ведьма, знай себе, кочует –
То там нагрянет, то возникнет тут.

Дверь заперта, но тайный сквознячок
Беды повеет, праздный и невинный...
Ты – за топор. Беда же – прёт с дубиной,
И ты пред ней – гороховый стручок.

Беда пришла. Сидит в углу молчком.
Глазищами искристыми моргает.
Её божница вовсе не пугает –
Пришла она непростенною в дом.
Поговорить желается Беде,
Пооткровенничать, зачем пришла без спросу:
Мол, шла и шла по снежному заносу,
Всю ночь брела, а обогреться – где?
А тут в окошке слабый огонёк –
Приют, тепло... и прочее такое...
Давай-ка, думала, людей побеспокою –
И заползла змеюкой за порог.
И к печке тело грешное своё...
Потом уж оглядела хату хмуро:
Мужчина пьёт. Поёт хозяйка – дура! –
Красиво и тоскливо про неё.

Потом к кровати детской подошла,
На красоту земную загляделась...
И невозможно сильно захотелось
Чего-то невозможного со зла.
Озлилась лютой мартовской пургой:
Мол, память вам такая на дорожку...
Плеснула яду девочке на ножку:
Пусть станет покороче чуть другой.

Настало утро. Ведьма впопыхах
Покинула пристанище-жилище.
В очах её дымилось пепелище,
Змеилась злость на пепельных губах.

Разбужен берег солнечной реки
В старинном граде русском Мелекесе,
И с той поры рассказы о Принцессе
Роились правде грубой вопреки.
Жизнь – это чудо! Чудо – Черемшан!
Река и жизнь одно имеют русло,
Но как порой бывает сердцу грустно
Смотреть в окно сквозь утренний туман...

* * *

В нём пустота белёная и хлад.
Собакой ветер воеет в лютой злобе.
Пред белой шторкой девочка в ознобе,
Молитву шепчут губы наугад
Извечному над нею в вышине...
Свою молитву к Доброму из добрых
Из слов надёжных, песенных и гордых,
Душой озвученных на доньшке – на дне:

- Наш Боженька! Отец всех-всех людей!
Мой Боженька, я знаю, ты всё можешь,
И Ты дорогу высушишь, проложишь
Сквозь сто туманов, тысячи дождей!

Чтоб папка мой ко мне примчался вскачь
На самой сильной и большой машине...
Я так устала ждать,
 как будто я в пустыне,
Которой ты ходил, а я в ней – карагач...

Я десять лет всё папу жду и жду,
А он не едет к хроменькой дочурке...
Горят дрова и дышат из печурки,
А мне так зябко сторожить беду...
Хотя бы дождь уйми, чтоб выпал снег...
Ты помоги послушной девочке – калеке...
Мой Боженка, как Человек – о человеке...
Представь Себе: я тоже – человек!

Хотя бы сделай так, чтоб тётка Фатима
Не больно на ночь ставила уколы,
И все тропинки возле нашей школы
Не превращала в катанки зима.
Меня толкают. Падаю и плачу.
Ох, как грохнулась однажды, ты бы видел...

Тиха Галинка. Слёзы лишь в обиде.
Слова. Слова. Они ничто не значат.

Но, может, завтра утром, наконец,
Проезжий тракт надёжно прояснится:
Прощай тогда лечебница-больница! –
Вези домой дочурочку, отец.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В конце апреля травка-мурава
И гул с реки – плывут, качаясь, льдины,
И девушки – как будто балерины –
В коротких платьях... Кругом голова!
В таких прозрачных, словно лепестки
Нежнейшей розы в светлой акварели.
Приятно мне, рождённому в апреле,
На травке-мураве валяться у реки.
Писать девчонкам глупые стихи,
Всем мелекесским и одной конкретно,
А день такой – смешная кинолента
Про первые любовные грехи.
- Ты целовалась? – слышу шепоток.
Зарделась вся. Ответила:
- Немножко...
Секретничают сёстры у окошка:
- А сколько раз?
- Наверное, пяток...
Завидует младшая сестра –
Живёт Надюша бесподобной сказкой.
- Везёт тебе, а мне с упрямым Васькой...
Хоть просиди до самого утра.
Прильнула жаркою спиной к стене,
Ждала, пока, хоть чуточку, остынет,
Коль не поможет, разом платье скинет,
И, как бывало, босой по стерне...

* * *

По травушке хожу я босиком,
И в голове моей роятся рифмы:
Созвучия опасные, как рифы:
На них наскочишь –
жизнь вся кувырком...

Я не том. Я вовсе не хочу
Менять строку безвинную на похоть:
Жалеть себя, и горевать, и охать,
Судьбу свою вручая палачу...

Ну, срубят голову? Кому с того резон?
Ещё один грешивший в этой жизни.
...Воркует голубица на карнизе –
Душа моей Галинки у окон.
Моих окон, а значит – и её:
В квартире её туфельки и платья,
И по ночам, и кстати, и некстати,
Сны, уходящие почти в небытие...
А юность что ж? Всё правильно – весна!
Черёмуха. Сирень. Пчелиная акация.
У дома в палисаде целоваться,
Как водится, влюблённым до пьяна...
Сирень цветёт. Рулады с соловьи -
Поют разбойники, и не уснуть девчонке!
Художник-ночь рисует кистью тонкой
Картину первой вкрадчивой любви.
И попрошу я только об одном:
Пусть будет не ворованным у мира
Безумство достославного Шекспира,
Что мы великим чудом признаём.

Не тянет на Ромео Валилёк
Да и Галинка не совсем Джульетта...
Изыски гениального поэта
Теперь живущим вовсе невдомёк...

Но всё ж и я отметил лёгкий шум
Шуршащего в кустах сирени платья,
И тут пришли разбуженные братья,
И старший был особенно угрюм.
- Давай, Галина, мигом чтоб домой!
А ты Васёк по шее точно словишь!
Соседка впряла:
- Да имейте ж совесть!
Посредь ночи орёте, боже мой!

Влюблённая до двери добрела
И до утра в подушку проревела,
Лишь звёзды, падая, сгорали то и дело,
И кот смотрел из чёрного угла.
Он тоже слышал – пели соловьи,
Он тоже видел – звёзды в белом вальсе...

Мы в первом чувстве все неандертальцы –
Особы романтической любви.
Я сам когда-то исстрадался в ней:
Был робок и застенчив в первом чувстве –
Стихи писал не о любви, о грусти,
Тревожа мир, как глупый соловей.
Но и такой вершит в садах полёт...
Робеть и млеть от встреченного взгляда.
На лавочке сидеть у палисада,
Мечтать о том, что времечко придёт.

В далёком далеке... когда-нибудь...
Среди цветов, разбрызганных по полю,
Девчонка златокудрая позволит
Одну лишь пуговку на кофте расстегнуть.
А там – хоть чёрт рогатый впереди,
Хоть в бой последний! – повоюем...
Чтоб первый раз коснуться поцелуем
Дышащей зноем девичьей груди.

* * *

- А ты, Василий, всё-таки нахал...
Ведь предупреждал, что шею я намылю, -
Владимир убедителен по стилю –
Среди парней он первый генерал.
Навис кряжом, прицелил правый глаз,
В плечах широк, и кулаки по пуду.
Как не сробеть? Наверно, только чуду
Поверить можно в этот гиблый час.
Но мир земной и безголос, и тих.
Сирень черна – торчит в саду былинкой.

Но вдруг Галинка солнечной травинкой
Воспрянула с землицы промеж них.
Володьку-брата тычет кулачком.
Пожаром вспыхнули огромные глазищи.
И, постояв у этого кострища,
Владимир сник – от них ушёл бочком.
Вот, собственно, и вся любовь почти...
Её обняв, дрожал, как лист, Василий,
Как будто штурмом взял он пять Бастилий,
А русский Зимний где-то по пути....

* * *

В доме Ерановых родительский совет:
Отец и мать сидят рядом у печки.
От папиросы дымные колечки
Под потолок, а дальше ходу нет.
- Ты б не курил, и так от печки дым,
И смрадно на душе – за дочку изболелась...
Чего ж теперь, прости за бабью смелость,
Справлять, видать уж, свадьбу молодым?
Семнадцать ей. Не рано ли, отец,
Сушить над печкой жаркою пелёнки:
Сама дитя, а думать о ребёнке,
А коль Василий скажется подлец?..

Но Николай не падок на слова.
Он мыслит тайно, чтобы без подвоха:
«Да, парень вёрткий – по всему пройдоха...
И весь в отца – лихая голова!
Всего лишь метр с кепчонкой на ногах –
Для мужика великая промажка:
По жизни ползает, как муравей-букашка,
Но ушлый, как и батька... при деньгах...»
Всё дальше вглубь раздумье тянет нить:
«Тот – Духоренко! – в гараже слесарит.
Сказать по-честному: башка у дядьки варит –
Любой «авто» он может починить...
Такой шельмец! Неясным шепотком
Попросит рублик, трёшницу в подарок...
И мы даём, скрепя душой, «приварок»...
Иначе как? Ходи шофёр пешком...

Так размышлял сердитый Николай...
Жене промолвил нечто из иллюзий:
- И я про то ж: не то, порою, грузим,
Но вот везём...

Опять решать и мучиться одной:
Муж сказанёт, попробуй-ка домыслить?
Слова его ведром на коромысле –
Неси, крепись и сердцем, и душой.
Десятый сон досматривает муж.
Заря в окне. Хозяйка за работу:
Картоху чистит, жарит как на роту –
Три мужика и доченька к тому ж.
Обычный день, как пиво на разлив,
Что допоздна не кончится в столовке,
В которой трудится она,
нахмутив бровки,
Про свадьбу так ничто и не решив.

Судьба решила всё сама собой -
Родителям на радость, мне на ожиданье,
В который раз живущим в назиданье:
Не надо спорить с собственной судьбой.
Девчонка счастлива –
 строчит конспект в тетрадь.
Родители покойны и довольны.
А я – тем паче: сознаю невольно:
Меня, меня Галинка будет ждать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВЕНЧАНИЕ

Весной определился на постой –
К таинственной и вкрадчивой Галине:
Как будто я приблизился к картине –
К портрету «Неизвестной». И. Крамской.
Волшебная, божественная кисть...
Обворожительная сказка для поэта...
Я женщину, сошедшую с портрета,
Безмолвную, прошу: «Разговориесь!»
А, может, потому она тиха:
Оценивает пришлого мужчину...
По роду я художник, а по чину
Ваятель искромётного стиха.
Две скромные нелепости во мне:
Художник и поэт, и оба не известны...
Как хороши, как дивны её чресла,
Ланиты в вечерющем огне!
На цыпочки привстала в лёгком «па»...
Ах, наконец, меня поцеловала,
А я подумал: « Поцелуя мало:
Для столь державного и знатного столпа...»
Ночь чёрной краской залила её,
Но утром... в солнце, в поднебесной сини...
О чудо жизни! – в образе Богини
Сокровище добытое моё...
И враль до срока онемел во мне...
Творец двух муз, я всею не домыслию:
Каким стихом, какой волшебной кистью
Писать её... на белом полотне?

Такой красой до смерти разом бьют...
Столкнули в Лету, и плыви потоком мутным...
Она шепнула дивно: «С добрым утром!
Поздненько же художники встают...»
И сделалась мне близкой и родной –
Девчонкой милой... с самого рождения...
Не Сон ли это? Сказка? Наважденье?
Богиню называть своей женой.

* * *

Решительно вступаю в новый брак...
Бодягу холостяцкую похерю:
Богине тело грешное доверю,
Душа же – это личный кадиллак, –
Роскошная карета королей:
В неё без приглашенья не сажаят,
А если самозванец – пулей жалят,
Тем паче самозванка – проще с ней.
Хлыстом огрел – из душеньки долой:
Пусть на обочине стоит и голосует...
И смех, и грех... воображение рисует
Свободный дух, парящий над землёй.
Я – не безвольный, глупенький Адам,
Не взять меня в прислужки благоверной:
Но прежний мир мой нищенский, богемный
За пироги и пышки я отдам.
Служа ему, слегка оголодал:
Мне хочется семейных щец и ласки,
Перины пуховой...

А если снова маски –
Игра страстей и глупый карнавал?

Но я решаюсь: в омут головой –
Коль утону, не поминайте лихом...

Звучит во мне мотив шального «психа»,
Что родом из Одессы горевой.
Как некий Костя с моря

«приводил

*Шаланды, полные кефали,
И все биндюжники вставляли
Когда в пивную он входил».*

И вот он «тихим голосом поёт»,
В ручищи взяв весёлую гитару:
«Синеет море за бульваром,
Каштан над городом цветёт».
Для моряка Одесса – родна мать:
Нет ничего прекраснее Одессы,
Чтоб Молдаванка и Пересыпь
Могли б от гибели спасать.
Чтоб выплыл к берегу баркас:
«Рыбачка Соня как-то в мае»
.... сказала (Косте):
- Все вас знают,
А я так вижу в первый раз».
Сама же правым тычется бортом –
На abordаж берёт его, чудачка!
И он «открыв Казбека пачку»
Девицу встретил добрым «холодком».
«...Фонтан черёмухой покрылся,
Бульвар Французский был в цвету.
Наш Костя, кажется, влюбился -
Кричали грузчики в порту.

*Об этой новости неделю
Везде шумели рыбаки.
На свадьбу грузчики надели
Со страшным скрипом башмаки».*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О, женщины! – другая часть луны,
Что мы не видим и живём в догадках:
Нам, мужикам, ну хоть косою по пяткам,
Сие не ведомо... обратной стороны.
И наше дело – на земле война:
Спокон веков мы с бабами воюем,
А завоюем, пленниц мы балуем,
И любим, и голубим их сполна...
Что должен при себе иметь боец?
Да ничего он, собственно, не должен:
Чего-то там достал из ржавых ножен,
Блеснул железкой – можно под венец.

Поп молодой: видать, из наших рот –
Орлом глядит из стёганки суконной,
Меня венчает царскою короной,
А ей коронку махоньку несёт...
Так я шучу, а сердце говорит:
- Ты, парень, брось... тут дело-то серьёзно.
Коль не созрел, беги пока не поздно...
Здесь всё Любовь – и меч судьбы, и шит.
Стою, дрожу, ошипанный, как гусь,
Перед Христом в поклоне низко согнут.
С иконы взгляд: щекой горячей вздрогну,
На шафера с опаской оглянусь...
Не клятва в верности, а вера до конца
Руси Христовой и жене от Бога.
И Божья Матерь вглядывается строго
В славянский профиль моего лица.

И две свечи выводят нас из тьмы...
Гори огнём «Свидетельство о браке»
Гражданского...

так сходятся собаки,
А мы всё ж люди – христиане мы.

Кольцо из злата руку обожгло,
Наверно, и Галинин вспыхнул пальчик...
Мне сорок лет – давно уже не мальчик,
Но заробел, почувствовав тепло.
Откуда? Как? На улице январь.
Оно с икон на грешных исходило:
Нас неземная согревала сила –
Небесный свет, внесённый на алтарь.

Вкруг аналая трижды мы прошли –
На столике Евангелие... Распятые...

Кажись, закончилось...
Живите с миром, братья,
И сестры нашей матушки-земли!

За стол, друзья! Устроим царский пир:
Бутылочка вина, а к оной – бутерброды
Из килечки – без масти и породы...
И, если Бог нам даст...
в обвёртках «дружбы» сыр.

Простите нас за нашу нищету...
Но как бы, ни судили нас тут строго,
Союз любви скрепили мы у Бога –
Осуществили главную мечту...

КОММУНАЛКА

Любовь живёт и в лютом январе
Не во дворце, а в тесной коммуналке,
Где кухня общая стяжает перепалки,
И вороньё пирует во дворе.
- Послушай, милая, твой бесподобный муж,
Он, говорят, стихи, как баба, пишет,
Сидит за полночь, табачищем дышит,
А нас в квартире – восемнадцать душ...

Передо мной мелькая в неглиже
С женой сцепилась бойкая соседка:
Мужик её подался на разведку
В кафешку, что на первом этаже, -
В глубокий тыл к извечному врагу,
Что на Руси зовётся тихим пьянством,
Отмеченным великим постоянством
Вплоть до последнего, прощального «могу!».

Беду соседки злобной понимаю:
Сам пил без меры, будоража кровь,
Пока во мне не вызрела Любовь –
Теперь её я только принимаю...
Присядь поэту на колени, будь добра,
Как Саксия к художнику Рембрандту...
Не будем жить, нежнейшая, по Данту
В изысках извращённого пера...
Изгнанником божественной любви:
Мол, так и сяк пусть сохнет Беотриче...
Я – плоть от плоти, ты – в живом обличье:
Что ж вымышлять все прелести твои?

Нам в коммуналке грязь не разгрести:
Попробуем, любовь моя земная,
От «ада и чистилища» до рая,
Не растеряв сердечности пройти.

Тебе открою маленький секрет –
Рай на земле – отдельная квартира:
В ней ванны общей, общего сортира,
Представ себя, как в коммунизме, нет.
Уж как-нибудь разделим на двоих
Места мирские, с миром не враждую,
И жизнь продолжим нашу молодую,
Как пушкинский приятный слуху стих.
И сам возьмусь за дело пошустрей –
К шедеврам вех добавлю пару строчек...
Люблю тебя, мой солнечный комочек,
Полураздетую в сиянии свечей.

И танго нам звучало для двоих.
На столике потрескивали свечи
Там, за окном остаток зимней сечи:
Приятно оставаться нам в живых.
Ты мне одна принадлежишь сейчас,
И у тебя глаза полузакрыты,
И все мои соперники убиты
Иль ждут они погибельный свой час.
Что им твоя тишайшая любовь?
От всех Офелий разом отрекуются,
Мужчины затрапезные дерутся,
Чтоб выпустить свою дурную кровь....

И делят вновь свободу, землю, власть —
Разбойникам наметилась удача...
И хорошо, что мне с тобой иначе
Жизнь прошагать,
 над жизнью не глумясь.
Нас в этом мире много — я и ты.
И пусть пылают свечи вдохновенно,
У жизни сроки, милая, мгновенны,
Но все цветы в ней, нежная, чисты.

ДЕРЕВЕНСКАЯ БАНЯ

- Вот чистотел, а вот брусничный лист,
А вот и веничек берёзовый, особый...
А вот квасок ядрённый... попробуй!..
Он для души, коль будешь телом чист.
И все твои болячки, Константин,
С парком душистым разом отнемогут...
Что доктора? Да фиг они помогут!
Лишь банный дух — здоровью господин.

Тамара Николаевна добра...
Галина же тревожится: «Пора уж...
Уж не терпёж, как будто снова замуж...
И всех гостей-гостёчков со двора...
Долой нравоучения, долой!
Давно усвоили, достойно оценили...»
Ведь банька ждёт. Она лишь только в силе:
- Шагай-ка ты, подруженька, домой!

Ни в речке-озере, ни у села в пруду,
Впервые дева с мужем в русской бане —
Вся нагишом плывёт в парку-гумане:
«О, где тут муж? Никак я не найду».
Как не припомнить «если да кабы...»
Муж высоко, под самую тесниной,
Разлёгся на полке, как тот Адам быллинный...
«Любви хочу! Ах, Костенька, люби!»

Давно, давно закат в селе померк —
Ночь звёздная от хаты и до хаты.
К хозяйке в дом вошли, как будто виноваты:
Она глаза-то долу, он куда-то вверх.
Смекнёт хозяйка — вида не подаст:
- Чем Бог послал, садитесь повечерить.
Тут разносолы... если сказке верить,
Ох, на Руси откушать всяк гораст...
Последнюю страницу ночь в окне
Перевернула и дошла до точки...
Люблю наливочку вкушать я под грибочки...
Галина в этом уступает мне...
О чём задумалась, головушку склоня
На ручку лебединую в изломе,
Неужто баньку в нашем блочном доме
Такую же построить для меня?
И для себя... но то на самый край.
А главное для мужа — для здоровья...
И повела, смутившись, чёрной бровью —
Святой обман! — любезный сердцу рай.

- Пойду-ка в дровник. Чуточку сосну.
Там раскладушку с вечера приметил, -
Я удалился, радужен и светел,
Оставив фантазировать жену.

Записи Галины в фотоальбоме «НАШ РЕБЁНОК»

Полгода девочке. Апрельская метель:
В тепле-уюте не даёт понежиться...
У крохотули-золотули зубки режутся –
Из глаз дочурки слёзки, как капель.
А муж – за рюмку! Экий виноглот!
«Семейный праздник, - говорит, - и баста!»
На дочь взглянул: «По-моему, зубаста.
Смотри, сосок у грудки отгрызёт...»
Лишь на девятом месяце смогла
В кормленьи грудью я остановиться...
Как дочке не понравилась горчица! –
А я, казалось, душу обожгла...

Ребёнок – несравненный, драгоценный мой! -
Встаёт, держась за руку, косолапит:
Шажок... другой – и на коленку к папе,
Иль скоренько – к кровати по прямой...
Ах, вот уже шаг сделала сама,
А на втором поймала папы руку...
Посуду мою – доченька по звуку...
Спешит, самостоятельна весьма...
Но только девочке исполнился годок,
Душевно я отметила начало:
Моя Танюша скоком побежала,
Услышав в дверь настойчивый звонок.

* * *

Я вспомнила потешный свой испуг:
Как мы к друзьям приехали на дачку,
Как дочь, впервые увидав собачку,
Пыталась вся вдруг выпрыгнуть из рук,
И тут же с рыжим встретила котом:
«Аф-аф» мяуке вежливо сказала,
А тот обиделся, заполз под одеяло,
И как ни звали, не пришёл потом...
А ровно в год, таясь смешно от всех,
Чтоб милую шалунью не ругали,
Она, как будто с выпечки рогалик,
В ладошку спрятав, ела первый снег.

Два года дочке, третий не далёк:
- Я, мама, возле дома поиграю,
Подружку позову, ты знаешь, Раю...
И упорхнула будто мотылёк.
Прекрасный из окна в июле вид:
Там девочки играют – «в маму» – «в папу».
Моя Татьяна нацепила шляпу,
С газетою на лавочке сидит.
Она сегодня – «папа». Мне смешно:
На «мамочку» поглядывает грозно
И говорит и важно, и серьёзно:
«Я – на футбол, а ты иди в кино».

* * *

- Ты веришь, мама, Павлик Лапин – злой!
Толкнул меня, и вляпалась я в лужу,
Но из неё лягушка вдруг наружу –
Волшебница с Ивановой стрелой...

Часок за часом и денёк за днём
Растёт Танюшка, сочиняя сказки:
Про Золушку, что ездит на коляске,
В которой она мучилась со сном...
То про котёнка в красных сапогах:
- Ты не поверишь, мама, ходит по подъезду:
Позвал меня на долгую беседу –
Вот почему я вся теперь в долгах...
Павлуше Лапину я булочку должна,
А Светке Рашиной огромную конфету...
Пойду теперь бродить по белу свету:
Вернусь с добычей – расплачусь сполна...
Тебе же, мамочка, я туфельки куплю,
Такие тихие, чтоб я быстрее заснула...

Чудесна ночь. Вновь летом потянуло.
Плыть в небесах с Татьяной кораблю.

Ну, вот и первый, кажется, жених:
Серьёзный Вова – мальчику четыре,
Живёт в соседях с мамою в квартире,
А папа затерялся где-то их...

За ручку ходят важно по двору,
В обнимочку садятся на качели,
Не дозовёшься, если захотели
Затеять в мяч футбольную игру.
Пусть солнцепёк, и «стадион» горяч:
Она – вратарь, а он – всегда в защите:
Хоть руки-ноги пареньку свяжите,
В ворота не проскочит звонкий мяч.

Татьяна учит строгий алфавит,
А в азбуке все буквы уснули:
- Как напишу письмо теперь бабуле? –
Мне доченька печально говорит.
Ей хочется все буквы узнать,
Чтоб прочитала бабушка о внучке
И к папиной приехала получке...
И привезла красивую тетрадь.

Да, скоро в школу девочке моей:
Закончились весёлые денёчки –
Теперь года потянутся, как строчки,
От детских и до взрослых букварей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЛСКИЕ ПРОСТОРЫ

На Волгу едем, на её приток –
На Ус-реку, что в камышовом царстве.
Друг за рулём, а я в привычном барстве
С женой под боком – праздный колобок.
Качусь не по дорожке, по шоссе,
Довольный всем, в машине-иномарке.
Июньский день пока ещё не жаркий –
В кабине стекла в утренней росе.

И с нами едет звонкая гармонь,
Две курицы со всеми потрохами...
На берег Волги едем «дикарями»,
Чтоб развести языческий огонь.
Из городской сбежали духоты
На лоно облюбованной природы.
О, благодатный миг живой свободы! –
Шальное обречение простоты.

До неба запали мы костёр...
Поднялся он свободный, языкастый...
О, здравствуй, Русь!
Перун бессменный, здравствуй!
Цвети и пой языческий простор!
Цвети черёмухой, и птахой песни пой,
И сыпь на голову сиреневой порошей,
Я твой поэт, покуда не оглохший,
И твой художник, вовсе не слепой...

Пусть Волга-речка и во мне течёт,
В моей жене и в крохотуле-дочке
От отправной и до последней точки,
Пока по волнам лодочка плывёт.
Я волны режу с ухарством веслом,
И на корме – супруга на лавчонке,-
В сорочке влажной, в пёстренькой юбчонке
И в обруче височном... огнемом...

Нам нынче рыбу добывать – лещей...
Я – в страстной предвкушении добычи,
Да и она, молясь, удачу кличет,
Как будто бог её, а боженька – ничей...
Тем более Перун... Мудрейший старикан,
Прикрыл глаза и нас навряд ли видит...
Наверное, людишек ненавидит –
Живёт один на острове Буян.

Я не ему – другому говорю:
«Спасибо вам, верховный наш Ярило!»
Жена смеётся: «Я же говорила,
Что чудо непременно сотворю!»

Не пронесёшь ушницу мимо рта...
Друг за гармонь, а мы с женой за песню:
Про ямщика с дурной, печальной вестью,
Как девица под снегом... умерла.

*«Под снегом-то, братцы, лежала она...
Закрылися карие очи.
Налейте, налейте скорей мне вина!
Рассказывать нет больше мочи».*

Из волн торчали стрелы камыша.
Вставало солнце над Перунской башней..
Я про жену подумал: «Солнца краше!
А как язычница, тем паче, хороша...»

БАЗА ОТДЫХА «УСИНСКАЯ»

По тихой речке под названием Уса,
Как встарь, скользят челны под парусами,
Паны-сомы с вельможными усами
И прочие речные чудеса.
Да и русалок здесь не перечесть –
На каждом камушке сидят они, тоскуя.
- Мне не до них, - жене своей толкую,-
Блюда супружескую честь.
- Конечно, верю, милый мой шальной, -
Супруга отвечает молодая,-
Но, если что, тебя предупреждаю:
Вон в камышах красавец-водяной.
Не слушает дочурка папин вздор
И мамины шутливые намёки:
Её ушам сороки-белобоки
Стрекочут и ведут с ней разговор...
Из древних, подзабытых нами лет,
Звучащий также трепетно и мило:
«Сорока, сорока была белобока,
Кашку варила, деток кормила:
Этому дала и тому дала, а другому – нет!»
Наверно, тот «другой» был слишком мал...
В столовой остывала наша каша...
И первый лист, таинственный, опавший,
Под туфелькой хрустальною шуршал.

МАТЕРИНСТВО

Мы в сказку леса ходим всей семьёй:
Красиво, молодо, с дочуркой-первоклашкой.
И дочка ползает по травушке букашкой,
И пахнет августовской резедой...

Вот так бы век прожить без горевой
Тоски и грусти...

с солнышком в лукошке...

Глаза жены – открытые окошки:
В них занавески плещутся зарёй.
- Я так тебя люблю!.. Не пропадай...
- Куда я денусь?.. только на рыбалку.
И вот уже иду я вперевалку,
Не дать – не взять, мальчишка – шалопай.
И к вечеру она придёт ко мне
И, тихая, присядет с толстой книжкой,
Любуясь небом, муженьком-мальчишкой,
И чайкой острокрылой на волне.

И три недели будет отдыхать
От громовых домашних поварёшек,
И в платице весёленьком в горошек
Вокруг меня, как бабочка, порхать.
И соблазнять меня в вечерний час
Красою неизбывной – сказкой вечной...
Иного не ишу я в жизни быстротечной
Обрывной, как коротенький рассказ.

Вблизи воды ещё горяч песок,
Волна подхватит удочку, играя,
И солнце, как тарелочка резная,
На половину спрячется в поток...

- Ты, мама, не скучай: тарелочки помой –
Расставь, как я люблю, на полке по расточку,
И платице надень красивое на дочку...
Ах, что ты надеваешь?.. боже мой!
Но знает мама, что на улице апрель:
Придёт грязнуля – так девочка играет...
Одни лишь огоньки в глазах не замазает –
Они чисты, как звёздная капель.

Квартирку обволочет тишиной,
Струясь в окно цветущей, пряной грушей
Как поступить с девчонкой непослушной –
С её родной кровинкой озорной?

И засмеялась, что ответа нет...
И вслед да дочкой «побрела по свету»...
И в креслице к любимому поэту –
К родному мужу – в личный кабинет.
Как всякий гений, он и хмур, и строг:
Строчит о ней великую поэму.
Она же мышкой, не вдаваясь в тему,
Вздремнуть часок в тиши певучих строк.
Ей благодно поспать в его стихах
В халатике...

Вот пуговку толкнула
Высокой грудью...

Из ночного гула
Звезда в окно вкатилась впопыхах.
И обозначила сияньем полосу
До женщины, дремавшей в мягком кресле.

Он прошептал: «О, как она прелестна!
Легка, как пух! – в кроватку отнесу».

Глаза раскрыла, обвила его лозой...
Как бесконечно счастье в доме длилось!
Вот главная от Бога людям милость:
Жизнь окроплять счастливою слезой.
Поэт ли ты, иль грустный графоман?
Славь на земле Святое Троиединство!
Любовь есть Бог! В итоге – материнство:
Всё остальное похоть и обман.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПАСХА

Десятого апреля – выходной.
Она поутру в храм заторопилась,
Поставила свечу на Божью Милость
К иконке праздничной на аналой.
И помолившись Богу и Святым,
На лавочку присела в детском парке.
Весна несмело делала подарки:
Снег постарел и сделался седым,
Ласкало солнышко открытое лицо,
Но ноги в сапогах чуть-чуть озябли,
На ветке птичка: верно, жёлтый зяблик
Висел, как обручальное кольцо.

Взглянула на руку – на месте обручок:
Сияет золотиночкой горячей...
Пора домой: проснулся не иначе
Её родной, любимый мужичок.

И на дорогу смотрит из окна:
Куда исчезла верная супруга?
Нежель ослабла на коне подпруга,
Прогнулась поседевшая спина?
Видать, пора коняге на покой:
Хоть борозду не портит, мелко пашет...
Галина улыбнулась, ручкой машет:
«До этого полжизни, дорогой!»

Сегодня мужу ровно пятьдесят:
Придут друзья на встречу с юбиларом,
Неделю будет пахнуть перегаром -
Поэты выпить бочку норовят...
Пока стихи не кончатся, всё пьют...
Кричат друг другу пламенные строчки...
Вот, кажется, дошли они до точки,
Им «запятую» ангелы несут...
Давненько съеден праздничный пирог...
По коробу скреби и по сусеку:
- Дай закусить, хозяйка, человеку! –
И слопали последний колобок.
И скопом подались все со двора –
Заждались их крылатые Пегасы:
Теперь возьмутся за рассолы, квасы –
Досматривать с похмелья вечера...
Но будут помнить: славная она –
Сердечная подруга Константина:
Откушала салата благочинно
И выпила две рюмочки вина.
А рядом водка реченькой текла:
В ней не сыскать спасительного броду...
Когда они делили славу и свободу,
Прижалась к мужу и была тиха.

* * *

Предназначение венчанной жены...
Галина думала о Церкви... и о Вечном,
Что нужно быть в обличье человеческом
Травы не выше, тише тишины...
Перекреститься, в храм святой входя,
Зажечь свечу, опять перекреститься,
Чтоб не свече – душе её светиться,
И на щеке не капелька дождя –
Её горячая и робкая слеза
Перед иконой Матери с младенцем –
Ликующим к Ней потянуться сердцем,
Душой взглянуться в чудо-образа.
Чтоб воспалить «за здравье» две свечи,
Ума особого, великого не надо,
Жила б в груди светлейшая отрада
Что души наши – божие лучи.
Горит над миром Вифлеемская Звезда! –
Огонь её не только в Церкви нужен.

Зажгла свечу и доченьке и мужу,
А про себя забыла, как всегда.

РЕДАКТОР

Сегодня парю, жарю и варю,
Учитывая архиважный фактор:
Галина – мой ответственный редактор,
Пусть даже гениально я творю.
На растерзанье рукопись свою отдал
И успокоился – картошку чищу:
Не всё ж бродить с огнём по пепелищу –
В России это вечный ритуал.
Чуть, что не так – сжигаем всё дотла:
Поэты любят костерок затеять
И пепел строк по полюшку рассеять
И помянуть их водкой не со зла...

Галина пишет только на полях:
«Вот тут ты, Костенька, немного грубоватый...
А тут какой-то тихий, виноватый...
А тут с Есениным как будто на паях...»
Прицелился на строчки карандаш:
Он с каждой строчкой говорит и спорит:
Строка по сердцу – дверь за ней притворит,
Мол, без неё и дом уже не наш...
Рачительна хозяйюшка, мудра:
Дом должен быть родным и обогретым –
Не многим удалось согреть поэтам
Земной приют при помощи пера.
Она уверена: лишь добрый человек
Певучим сердцем верно служит людям,
Чтоб можно было Божьим правосудьем
Оберегать и нищих и калек.
Тем более, коль взялся за стихи:

« Ты, Костенька, беги от злого слова!
Конечно, жизнь жестока и сурова,
Но это наши, миленький, грехи...
Не красота спасает этот мир,
А Доброта – я в людях это вижу...
Хорошие я строчки не обижу,
А вот дурные можно и... в сортир.»

И я не против, хоть хрустит крестец –
Для пользы дела мыслей переплавка...
Завершена редакторская правка...
Что ж можно и откусать свежих щец.
- А на второе – твой любимый плов, -
Я говорю жене, – ... изголодалась!

Опять весна в России начиналась –
Пора любви и самых нежных слов.

Семейные акварели

Часть вторая

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В АВТОБУСЕ

Автобус старенький пилит себе, пилит...
Неблизкий путь. И пассажиры дремлют.
Вот что-то промелькнуло среди деревьев
Довольно яркое и красное на вид.
«Рябинник в ягодах, а, может, жгут костёр,-
Подумала. – Уже к исходу осень.
И небо серое, но нынче в высях просишь –
В ней, видно, ангел крылья распростёр...
Одна я вижу – прочим не дано,
Поскольку дрыхнут... муженёк туда же:
Склонился в сон – словечка мне не скажет,
А всё оно! - домашнее вино.
Хитрец! Добавил водочки к вину...
Сказал, что на глаза ему попала...»
Галину охватила вдруг усталость:
«Наверное, и я чуть-чуть сосну...»

Ну, выпил муж – на то он и мужик:
Он рядом с ней – в бега-то не подался...
Лишь развязал на шее тесный галстук,
К таким «удавкам» дядя не привык.
Уже сквозь сон расслышала слова:
«... и что ворчит на дальнюю дорогу?»
Она за ангелом во сне летела к Богу.
Пылит автобус, катится едва...

От мамы с папой ехали домой,
(От тёщи с тестем) потому устали...
В нагретом упакованном металле
Обычной средневолжской стороной.
Муж и жена... впервые не одна...
Когда и где так бойко научилась
Ворчать без повода, скажите мне на милость,
С какого непонятного рожна?
Пока не поздно, эту «дурь» забудь...
Ты – не одна, ты, женщина, - супруга:
Подругой будь, а в нём встречай ты друга –
Замужество отнюдь не близкий путь.

Проснулась. Присмотрелась: строгий муж
Глядит внимательно – её он изучает:
- Домой приедем, обогреем чаем...
Похолодало. Скоро время стуж.

ДЕВИЧНИК

«Так, дай вам бог, любимой быть другим», -
Кокетничал поэт, в душе своей надеясь, -
Не пропадёт, куда не побреюсь,
Я всё же Пушкин: зная, не победим...».

С ног на голову поставили строку:
Другой писал: «Жена ушла к другому...»

Побитым псом я шастаю по дому:
«Неужто поприбавилось в полку?»

Отставленных и брошенных легко
Окурками долететь... в восторге мямлить,
Что, дескать, здесь всему виною наледь,
Но в гололёд сбежишь не далеко...»

Сижу в табачном, въедливом дыму –
И на душе от горечи излишек.
Записка на столе: « Не жди. У нас девичник».
Какой ещё «девичник»? – не пойму.
Я заглянул, естественно, в словарь,
В нём простакам доходчиво толкуют:
Собираются девицы и тоскуют
Перед замужеством... но это было встарь.
И далее: от мужиков уединясь,
Под рюмку любят бабы посудачить:
Мужьям своим такое присабачить,
Что разом из князей серединой тела в грязь...

Горит свеча, создав слегка интим.
- Блинцов я напекла, девчонки, к самовару.
Да и винцо как будто с пылу-жару:
Отведайте... потом поговорим.
- Ах, хороши блины! Ещё один - и край!
Спасибо, Танечка, я словно бы у мамы...
Сидят, блаженствуют три солнечные дамы:
- По капельке, Надежда, наливай!
Но та сердита: праздник ей – не в кон.
Не хочется ей пить, тем паче «лопать»:
Она намерена «грызлась с «недопёпой»,
То бишь с супругом-мужем, миль, пардон...

Хоть сердцу больно, виду не подаст –
Лицо огладит запоздалой мыслью:
« Кто наплодил породу эту крысью –
Самцов проклятых...

женщинам – в контраст?»

И наливает полный, под завяз,
Себе бокал – подружкам вдвое меньше...
У них девичник - совещанье женщин:
Наружу боли, муки на показ...

И завертелась в общей их судьбе:

Родильный дом,

они – встревоженные цапли...

Беда – у Нади молока ни капли:

- Я пью за Галочку! Спасибочки тебе!

Та покраснела. Ростом с ноготок.

А вот, подишь, молочница и только:

По роду-племени «хохлушка» или полька –

Молочный Сан потоком в ней протёк.

Видать, родник в ней спрятался на дне ...

Досталось и Татьяниной Маняше...

- А я, а я... пью, за здоровье ваше!

За то, что помогаете вы мне...

С друг дружкой обнялись...

и, дурочки, ревут:

Одна о доли женщины без мужа,

Другая про своё – ей муж не нужен,

Моя ж для счёта – просто за уют...

И носовой платочек теребя

В содружестве всеобщего рыдания,

Скорей себе, отнюдь не в назиданье:

- А мой хороший! – слышу про себя.

Сижу в табачном, въедливом дыму –
И на душе от горечи излишек.
Записка на столе: « Не жди. У нас девичник».
Какой ещё «девичник»? – не пойму.

(Для справки: Сан –
пограничная река Украины и Польши).

ТЁЩА

Ромашкой полевой на праздник Первомай
В новёхоньком, дышащем поле, платье,
Как водится, неожиданно и некстати –
К нам тёща на семейный каравай...
Кульки на стол, сама на шаткий стул
Добротное и пышущее тело...
Коль прикатила, я тогда – за дело:
Из холодильника всё разом и метнул...
Бутылку, колбасу, кефир и сыр –
Всё подчистую: тёща в доме – праздник!
И всклень стакан налил ей, безобразник:
Вина не жалко – был бы в доме мир.

- А где же дочка? Скоро ли придёт?
Что ж без неё?
- Так с Таней на прогулке.
- Ах, с нашей внучкой...
За окнами в цветущем переулке
Собака лаяла – наверно, вылез кот.

Едва успели выпить, на порог – жена,
Но первой - колокольчиком дочурка:
- Ты знаешь, папа, кошка Мурка
Болячками вся сплошь заражена...
Так мама мне сказала... Ты бы знал,
Как больно ей, как кошечка болеет!
Никто её на свете не жалеет...
Соседский мальчик кошечку пинал...

- Ой, здравствуй, внученька!
Шагай ко мне скорей.
- Зачем?
- Я – бабушка твоя, и маме – мама...
В тебя ли, зять, девчонка так упряма?..

Кошачий плач скопился у дверей.

Я вышел с сигаретой на балкон:
Закат вечерний просто обожаю.
- Довольно, мама, разве ты чужая?!
Ещё подружитесь... к тебе всем сердцем он.
Давай-ка лучше по граммულке... и за нас!
Как хорошо: приехала... решилась...
- Ты веришь, дочка, платье долго шилось...
Три года кряду, сшилишь лишь сейчас.
А почему? – не нравится затёк:
Какой-то не такой... уж слишком умный.

Кошачий ор объял весь мир подлунный...
- Что ж, Константин, пойди прими глоток.

Вошёл на кухню. Батюшки! – беда:
Жена пьянущая – ей рюмочки довольно.
И становлюсь я «доктором» невольно...
- Зачем же в ванную? Ах, доченька, куда?..
Под душ «шарко» сокровище, несу:
- Один момент – как стёклышко, ты будешь!
- Смотри, палач, девчоночку застудишь?
- Да ешьте, мама, сыр и колбасу...

РОЖДЕСТВО

Рождественская сказка в январе –
Неоновым огнём горят витрины:
В них манекены – Арлекины-мимы
Застыли в артистической игре.
Несложно угадать в одном их них
Меня печального в малиновом берете...
Что ж, позаботились достойно о поэте –
Статую возвели среди живых.

Моей Галинке грустно и смешно:
Хоть даже так, но всё-таки – признание,
А если есть к потомкам притязанье,
Преугадать нам, смертным, не дано...
В ночь Рождества не думай о мирском:
Спешу, спешу на светлый праздник Бога! –
И попроси удачи мне немного:
Про памятник подумаем потом.

Внимает женщина открытою душой
Хорам ведущим в храме песнопенье
И видит Деву в белом облачении
В пещере Вифлеема небольшой...

Сиянье восходило от Креста:
Богомладенец в грешный свет явился!
Безумный Ирод в бешенстве ярился –
И в злобе замышлял убить Христа.

«О, не убий! – откликнулась душа,
Казалась ей: стоит у Колыбели...
Она ведь тоже мать, и в самом деле,
Вот так же и рожала, не дыша...

Младенца спеленали пастухи
В тепло снесли Христа-младенца в ясли:
Они уже в Его бессмертной власти,
Коленопреклоненно – преданно тихи...
А он – Христос! – изгнанник и изгой...
По сути – нищий... и Властитель Мира!

И прошептала набожно Галина:
«Вот так и нам бы надо, дорогой!
Вся наша жизнь – лишь Божий, высший Суд!
Поэт – изгой, но тоже нужен миру:
И золото, и ладан, даже мирну
Волхвы достойному в подарок принесут...»
И, уходя из храма, три свечи
Зажгла за здоровье себе, дочурке, мужу...
На паперть вышла: вьюга в звёздах кружит –
Светло, тревожно, набожно в ночи.

Да, трём свечам гореть в её судьбе:
Земной надежды, и любви, и веры...
И нет другой у счастья лучшей меры,
Но надо мерить только по себе...
И сразу проще сделалось, теплей –
Очищенной душа её сияла:
В берёзах шла, а там, в конце квартала,
Родная стайка милых тополей.

Их слушала она весёлый шум:
«Чего скукожилась? Всё у тебя в порядке...
Купи себе ты кофточку на святки,
А мужу, так уж быть, купи костюм...»

КОЛЯДКИ

Нам на Руси Христовой повезло –
На игрище весёлое мы падки...
Люблю я русские старинные колядки,
Хоть, говорят, язычников то зло...
Чуть задремлю в уюте у огня,
А под окном хозяину побудки:
Поют и пляшут и пищат на дудке...
О, Русь моя, повесели меня!

Мне чудится: пришло с лесных сторон
Зверьё забавное – и зайцы, и медведи...
Ах, это наши добрые соседи
Затеяли колядки у окон...

*«Рождество Христово, Ангел прилетел,
Он летел по небу, песню звонко пел:
“Эй, встречай, хозяин: окна разнавесь –
Рождество Христово выпало нам днесь!
...Пастыри в пещеру первые пришли
И младенца Бога с Матерью нашли.
Пастухи молились да и ты молись –
Рождество Христово набирает высь!
Все мы согрешили, Спасе, пред Тобой,
Все мы, люди, грешны – Ты Один Святой.
Дай нам оставленье – за грехи прости
Рождество Христово на Земле в пути!»*

Они поют. Подарков терпеливо ждут.
Тут главное – душой не поскупиться,
А то медведица – под шубою девица –
Хозяина област в пять минут:
«Ты выноси, хозяин, склянницу вина,
Не рубль-полтину, а едину гривну,
И упроси «вторую половину»,
Чтоб с нами шла... Окупится сполна».

Моя Галина ждёт-пождёт гостей...
И жжёт меня глазами горевыми:
- Коль поскупишься: не отпустишь с ними –
Напустят в дом четырнадцать чертей!
И упорхнула в песенный разлив...
А мне их песни, сидя дома, слушать,
В тепле-уюте пирогов откусывать,
Я, как поэт, доверчив и ленив.

Вот выпил рюмку – головой поник...
А жизнь кипит – любовь напропалую,
Неужто я супругу не ревную?
Совсем уже безропотный старик.

*«Авсень, авсень, – из шёлка борода –
Глупцу досталась на печаль и горе.
На ком горит шапчонка? Да – на воре:
Жену украл, а в доме – лебеда...
Ох, хороша, как ягодка, красна,
Нежна, робка, как в полюшке былинка,
Зачем ты зрела ягодка-Галинка,
У батюшки, у матушки росла?
Украл, проклятый, спрятал деву в тень...
И пропадай, красавица, без толку:
Досталась старому бродяге-волку...
Ох, Родогощь, о светлый Таусень!»*

Мне, старику, пусть долог будет век!
Моей боярине - со мною рядом трудится!
Заря в окне. Она, любви заступница,
В алмазы превращает мягкий снег.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР В МОСКВЕ

Ну что, душа моя, поехали в Москву –
Отметимся, в державной, златоглавой,
Я – коршуном, а ты подругой-павой:
Узрим её не в снах, а наяву.

Мы двинемся дружиной боевой –
Возьмём с собой товарищей для страху,
И если вдруг, как Разина на плаху,
То это, дорогая, не впервой...

До срока перед ней не трепещи:
В ней, как и мы, поют, и пьют, и пляшут...
Я полагаю: сыты той же кашей
И с чесночком хлебают те же щи.
К тому ж со мной бывалый, старый вой –
Сердечный друг, защитник мой Портнягин,
Исполненный немислимою отваги,
Он не сбежит с моей передовой...
Со мной Сизов – подпольный богатеи:
К врагам своим он люто беспощаден.
И Юрий Логинов – ухожен и параден:
Возьмёт гитару – истинный Орфей.
И все они блистать в Москве не прочь –
Большие доки, в том не сомневаюсь...
Не трепещи, я сам тревогой маюсь –
Возьмутся ль други вовремя помочь?

Москва! Москва – конечно, цитадель!
Седой Арбат узором царским вышит.
Тут все картины маслом только пишут,
Не то, что мы – сплошная акварель.
У стен Кремля из золота фонари.
И толпами несметными – поэты:
Они слагают звонкие сонеты...
Куда я лезу, чёрт меня дери!

Периферийщик с Волги грубоватой,
Но, дай мне Бог, её поможет ширь!
- Давай, жена, плесни мне из початой...
Плесни-ка, Галка, в рюмку нашатырь...

А сам подумал: «Странен человек:
Всю жизнь мечтал... и вот теперь пасую...
Смотрю в тетрадь в линейчку косую –
Мои стихи в ней таят, словно снег...
И смех, и грех: ни слова не пойму.
Поэты ждут – им поединщик нужен...
А я, представьте, гол и безоружен,
И бестелесно призрачен в дыму
В табачном...
- Дайте закурить!
- Кажись, он – наш, -
сказал державный Ляпин.
Приблизился и дружески облапил:
- Читай, поэт, чего слезой сорить!

И вот сидим за дружеским столом:
И классики, и те, что на подходе...
Сидим в своём державном мы народе:
Он любит нас, владеющих пером.
Сидим: друзья, завистники, враги.
Родная Волга синей водью плещет.
Моей жене на ушко кто-то шепчет:
- Ты этого бродягу береги...

И не осталась женщина в долгу:
Туда-сюда с опаскою взглянула –
И перекрыв нацеленное дуло,
Передо мною стала: «Берегу!!!»

Домой мы ехали – рука в руке,
И я молчал, встревоженный немало...
Ах, как жена меня вчера ласкала
В гостинице, в холодном номерке!

СИЗЫЙ ГОЛУБОК

Опять к окошку сизый голубок
Слетел с небес за корочкою хлеба.
Кормить его – душевная потреба:
Помочь тому, кто в жизни изнемог.
Доверчивый простака – сизяк дикарь, –
Клюёт он крошки с ласковой ладони,
Он спрятал коготки, головушка в поклоне –
Не дать – не взять, убогий пономарь.

Добра Галина – льнёт душой ко всем:
Ей кажется, что зла на свете нету,
Вот и гостёчку – пришлому поэту –
Котлеточку, а я гарнир лишь ем...
Мол, своего и после накормлю,
А он, как голубок, нуждается в подкормке:
Жена-то бросила – одни стихи в котомке,
И те – видать – десяток по рублю...

- Вы кушайте. Вином не будешь сыт! -
И гений, неопознанный, доволен:
Пофилософствовать, откушавши, он склонен
По поводу, как наш устроен быт...
Житьё и жизнь...

Сказать, к примеру, он –
Женой хоть выгнан, не привык к обидам...
А вам (куда деваться инвалидам?) –
В один пласкартно-нищенский вагон...
Не до любви... чуть сладилось – и свет
В судьбе-то вашей общей, беспросветной...
Но, лично, он – на время «безбилетный»:
Ещё в СВ помчится в «высший свет».

Кромешная скопилась тишина,
И задохнулась Свет- душа – Галчонок...
И я молчал: так с собственных пелёнок
Не били нас, не мучили сполна...

Жена прошла больницы, я – детдом...
Да, было больно, но не оскорбляли...
А, впрочем, это всё моменты и детали...
И поделом, счастливым, поделом...
Давно пора чутьё приобрести:
Открыли окна, распахнули двери,
И в бескорыстии людскому братству веря,
Пустили в дом мерзавца во плоти.
Он вне любви... исчадьё зависти и зла...
Жена его нисколько не любила...

Когда ушёл, Галина пол помыла,
И голубя к окошечку звала.
А я сробел, настигнутый врасплох
Нацеленным под рёбрышко ударом,
И только взглядом медленным, усталым
Смотрел на дверь и новый ждал подвох...

СВЕКРОВЬ В ДОМЕ

Не надо жизнь придумывать. Грешно.
Сама напишет скетч смешной и драму.
Приспело время вспомнить мою маму,
Хоть я детдомовец... подраненный давно.
Сейчас я крепок, но болеет мать –
За сотни вёрст в пустующей квартире.
Придут знакомцы: выпьют – отгостили,
Она ж – на одинокую кровать.

Душа моя – Галина, свет очей, жена, -
Мне ночью млечной уши зашептала:
- Прости её... живём ведь очень мало!..
Как не ради, ведь матушка она.
Ты не впадай в обманный раж и пыл:
Пусть виновата... Кто из нас не грешен?
Тот застрелился, а другой повешен...
Наверно, тоже маму не простил...

И я простил.
К нам в дом свекровь привёз
Капризную, большую интриганку...
Что ж ублажай, Галина, грубиянку,
А я понежу душу средь берёз.

Что мысли пустяками забивать? –
Поэт глобально мыслит в этом мире...
Орёт, скандалит старая в квартире,
Галина – с валидолом на кровать.

Вернусь домой – потупит ведьма взор,
Как кобра приготовится к укусу:
И то не так, и это не по вкусу,
И на ристалище – на лавочку во двор.
Старуху станут слушать мужики
За водочку-палёнку нахалюву,
Как сын её – Змеюка Одвухглавый! –
Зажал больную женщину в тиски:
- Весь пенсион до мелкого гроша
Побрал у страждущей, подлюка,
А я молчи, как пугало и бука,
И только в плаче мается душа.
А сношка? Та... как тень ему:
Чего скажу –огреет сковородкой...
Ох, человек, сходи ещё за водкой!
Ох тошно, люди, сердцу моему!
Возьми тыщёнку – «фирму» покупай...
- Откуда, бабка, деньги-то такие?
- Так с пенсии... Они ведь молодые:
Прокормят старую, не завтра же мне в рай...
Так проболталась... замолчала зло,
Но мужикам дворовым – всё по фене:
Бала бы водка в бабкиной таверне,
Пусть врёт старуха – им-то повезло...

* * *

Моя Душа, моя Галинка – Свет,
Прям, на глазах, как будто свечка, тает
И тихо-тихо молится...

мечтает

Сварить свекрови дразги на обед...
Всю ложь её в немереный сосуд...
«Сварю, - смеётся, - тщательно, однако,
И брошу это варево собакам...
Хотя собачек жалко – ведь помрут...»

Но больше плачет, в комнатке таясь,
Как повелось, по-девичьи в подушку,
Чтоб муж не слышал глупую простушку,
Чтоб в добром сердце не скопилась грязь,
Чтоб дочка, Танечка, бабулю не кляла,
Чтоб ничего не ведала, не знала:
- Мы все живём так скоренько, так мало,
И вертимся у общего стола...
А о себе подумать – нас на это и нет.
Когда же думать? – сонно улынулась,
В далёкую свою вгляделась юность:
- Пойду готовить к празднику обед.
Ах, завтра мне, девчонке, пятьдесят!
Подружек позову – затеем песни,
И с Костенькой по маленькой мы треснем,
И пусть бокалы весело звенят...

Так хочется сердечную обнять! –
Конфет купить и скромный тортик к чаю.
Нет, не тебя я, мама, вспоминаю,
Своей дочурки солнечную Мать.

КОСТЁР

На то и автор, чтобы звонко петь
Себе, великому, в восторге дифирамбы,
Чтоб захотелось вновь по вечерам бы
В тиши мне «муки творчества терпеть».

Не позволяет жизни спешной кутерьма:
Поэтам вдохновение — по брони...
Мы едем в поезде в нетопленном вагоне —
Суровая за окнами зима.
На Дон мы едем — в южный городок,
Там в эту пору градусов двенадцать:
- Не будем, Галочка, Морозко мы бояться! —
В степи донской он вовсе не ходок.
Другое дело в наших Жигулях...
Ты помнишь, милая, как я писал об этом? —
Но что ей помнить? — доверять поэтам,
Заблудишься у дома в тополях...
- Да ты послушай! — музыка души...
А слог какой! — Есенин отдыхает...

Жена ко мне, прижавшись, затихает:
Дыши моими строчками, дыши!

«В моей душе слежалый поздний снег -
Ты приезжай к моим последним бедам:
И так мне зябко, что почти неведом
Который час, и день какой, и век...
Прошу тебя, хотя бы от безделья
И скуки ради навести меня.

По мне давно уж плачет богадельня,
И близкая, и дальняя родня.
Ты приезжай. Пришла пора, поверь мне,
Осуществить наш давний уговор:
Напиться вдрызг, совсем утратить время,
И запалить любовный наш костёр.
Костру доверясь весело и просто -
Его короткой гибельной судьбе,
Выпрашивать я стану, как Морозко:
- Ну что, красавица, не холодно ль тебе?
Ты приезжай. Дровишки обеспечу -
Не все сгорело у меня в груди...
Я шубу распахну тебе навстречу,
А под нее хоть голая входи.
О, Женщина, устроим быль и сказку
В лесу продрогшем - прямо на снегу...
А то ведь век мой скоро под завязку,
И я костёр затеять не смогу».

Вот напросился: сам себе не рад,
В купель такую — в снежную аллею...
- Не надо, Костенька: примёрзну, заболēju... -
А глазки-то бесовские горят...
Чего не натворишь, когда любовь...
- Ну ладно, миленький, я... согласна!
Писать стихи отнюдь не безопасно...
Притом зиме Руси не прекословь...

Женатому не нужно лезть в пургу:
Ждёт пуховик – под потолок постелька,
Но в рифмах пусть останутся аллейка,
Мороз, костёр и шуба на снегу...

РАЗДУМЬЕ

* * *

Какая женщина, таким и будет муж:
Добра она, и он почти не жаден.
Коль чистый снег лежит среди распадин,
Жди по весне зеркальных, светлых луж.
Она завистлива, и он – как ржавый гвоздь
По шляпку вбит в трухлявую теснину.
Вот так порой трясёт от злости псину,
Когда другому достаётся кость.

* * *

И он не свят, коль женщина блудит:
За первой повторяется измена.
Текла река, а стала по колено,
И зря рыбак на бережку сидит.
Ворует женщина, и муж в смурной нужде:
Несёт домой с работы мелочёвку.
Сороку знают люди за сноровку,
Всё что ни есть, украсть в чужом гнезде.

Не жаден, не завистлив...не краду,
Жене лет двадцать я не изменяю
С тех самых пор, когда с апреля-мая
С ней об руку по жизни я иду.

* * *

Мужчина не драчлив, жена его тиха:
С приветным словом каждому навстречу.
У дома взглядом ласковым привечу –
Звенит в серёжкам нежная ольха.
Не пьёт мужчина, и жена трезва:
Любовь да ласка ей головку кружат.
Пьют соловьи весну из красных кружек,
Когда заря окрасится едва.
Мужчина честен, и жена честна:
Последний рубль от мужика не прячет.
Конечно, деньги мало чего значат,
Но и без них избёнка не красна.

* * *

Мужчина любит – жёнка молода,
И дети, словно ангелы, красивы.
В саду цветут и яблони, и сливы,
Красы не ради, ради лишь плода.

Обворожительно красива и мила
Моя любовь – прелестница-царевна.
В моей судьбе одна лишь переменна:
Росточком маму дочка догнала.
Раскроют рты, как жабы, зеваки:
- О, девочки, наверно, вы сестрёнки?
Я постою чуть-чуть от них в сторонке
И загоржусь, расслабив желваки.
...Ведь это я так тщательно берёг
В саду своём две яблоньки для счастья,
Чтоб даже в пору грустного ненастья
Их обдувал весёлый ветерок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О СЕБЕ

В пресветлый день я с покаяния начну
В грехах своих в Великую Субботу.
И если я солгу хоть на иоту,
То бросьте меня в волжскую волну.
О, сколько я поднакопил грехов!
Считай, что с малолетства был пристрастен
К вину и табаку и был опасен
Для всех в округе тихих простаков.
Наверно, про таких и говорят,
Что пить, курить взялись одновременно...
Взорвётся милицейская сирена –
И я – в галоп, хоть к чёрту наугад.
На поездах мотался по стране,
Как ангелочек, на вагонной крыше.
Я – птица вольная: пусть небо рядом дышит,
А не мелькает в запёртом окне.
Вот, собственно, каким бродяжкой рос:
Вполне по меркам времени нормален...
О, как судьбе безмерно благодарен,
Ещё бы миг – и шкету под откос...
Несло меня, дурилу, напролом
В колонию для резвых малолеток.
Но чем, скажи, средь тополиных веток
Светлей и лучше мой сиротский дом? –
Детдом – казенный, серенький приют,
Где каши-пшёнки ложки две на брата...
И потому братва и воровата,
Что в животах соловушки поют...

Невмоготу терпелось... и в бега.
И так однажды парням на потеху
Решил обворовать би-бли-о-теку,
А в ней Есенин – русские снега...
Берёзы, степь и голубая Русь,
Тоска и грусть, и прочая потреба,
А главное – такой кусочек неба,
Давно которому я в тайнстве молюсь.
И замер я, и распахнулась грудь,
И словно душу всколыхнуло светом:
- Я буду, как и он, певцом-поэтом! –
С меня довольно пальцы в веер гнуть.

Стихи... Стихи... Звезды зовущий свет...
Я помню, как тщедушная училка
Сочила омерзительно ухмылку:
- Какой кошмар! Ещё один поэт...
Из этих самых грубых и шальных –
Из подворотен улицы кабацкой...
И всё трясла на шее модной цацкой,
Как будто ей ударили под дых.

* * *

Прощения прошу за этот тяжкий грех
Я у людей... и, кажется, у Бога...
У женщины, торившей мне дорогу
Среди земных божественных утех.
Душа моя стремится каждый миг
Её коснуться где-то в занебесье,
И если слышно ей, и близко – рядом! – если,
Пусть голос мой летит к ней напрямик...

Стихами нежными украшу разговор:
Поэт – объект почти что бестелесный:
- Жена моя, мой ангел поднебесный,
Я над тобою душу распротёр...
Давай, Галчонок, тяпнем по одной
Граммулички спиртного для веселья...
Под Новый год справляли новоселье
Лихой пиит с беременной женой.
Сидели на кровати. Стульев нет
Да и стола, и прочей мебелишки.
Зато стопой в углу скопились книжки,
Под потолок подняв авторитет...
Великих классиков – писателей Земли
От Пушкина, Шекспира, Льва Толстого
До нынешних, несущих в массы слово,
Что рядом осязаемо прошли ...
Под потолок – Есенин, Тютчев, Блок,
И местные, как я, провинциалы,
Что не вошли в толстенные анналы,
Но их я тоже бережно берёг.

Жена сказала: «Рядышком друзья ...
Всё для тебя! По-моему – неплохо.
... Там, за окном, смердила соцэпоха –
Партийцы лезли в русские князья.
Лихие Горбачёвские года...
Последние потуги «левых маршей».
«Нам повезло в любви последней нашей, -
Ответил ей, - Везёт же иногда!
Переворот! Но всё же – не война.
И «вертухай» не прячется за вышку».

Стихи супруга собирает в книжку –
Беременная верная жена.
Она таила от меня секрет,
Шесть месяцев живя в волшебной сказке,
Моля у Бога, чтобы после Пасхи
Дочь и стихи увидели бы свет.

* * *

Второй мой грех – пришёл к тебе большим
По горевых потерям и обидам
Нуждавшимся в уходе инвалидом,
Неся с собой табачный грустный дым.
И ты не спорь со мною. Это так.
Пристроился, супругой первой брошен –
Бабёнкой зряшной – из гулёных кошек,
На зов идущих спешно за пятак...
Житейская привычная мура...
Хирург ударил приговором-словом,
Что буду вечно к койке я прикован...
Она ж решила: «Кончилась игра
В любовь и преданность...
Прощайте, Константин!
Стучите, не стучите – не открою...»
И я на жизнь махнул тогда рукою
И доживал-дожёвывал один.

Хирург ошибся. Видно – костолом.
Поковыляв у смертушки по краю,
Скобой согнутый, всё-таки хромаю
На этом свете, вовсе не на том...

Гулёной кошки вовсе не судья:
Пускай блудит с весёлыми котами...

Стою под окнами.
Пространство между нами,
И дикий ор осеннего дождя...
Воззвал ко мне: « Давай поговорим!
Ты взрослый дядька и неглупый вроде.
Дорог не счесть, что около проходят...
Не все они приводят в Вечный Рим.

И знаешь, как обидно, если так...
В пыли бредешь. Одежда вся истлела.
Душа и кровь — цена за каждый шаг,
Хотя, казалось, пуля не свистела,
Но выстрел был. Пороховой дымок
Как будто дых от горькой сигареты.
Упрямо шёл ты в русские поэты,
А не куда-то в Рим на огонёк.

Смеялась женщина: и солнечна, и зла,
Красива, словно фото из журнала...
Женой тебе ни разу не бывала...
Но вот любимой женщиной была.
Бог ей судья. Я вовсе не о том.
Вы были разные в миру житейском
люди...

Но женщина она, а женщину не судят...
Смеялась зло... и плакала потом...»

О, этот смех! — не пожелать врагу.
К ушным прижав ладони перепонкам,
Теперь сказать себе я не смогу,
Когда отстала женщина с ребёнком.

Какая бесконечная беда!
Моя вина пред мальчиком в панамке...
У нас же с ней свои и боги, и гадалки...
И вознеслись меж нами города...

Вот так-то, дождь! Но если, в свой черёд,
Когда у жизни попрошу я малость,
Чтоб женщина вдогонку не смеялась,
Коль вновь взойду к себе на эшафот...

Я по причине этой и затих:
Сижу безвылазно в задрипанной общаге,
И только строчки-рифмы на бумаге
Былым страстям даруют робкий стих.
А как иначе? Мне ли ковылять,
На ногу припадая, за шуршащей юбкой?
А если вдруг опять с больничной уткой
Уложат на казённую кровать?

Но друг Серёга – богатырь с аршин, –
И по фамилии поэтому Аршинов,
Сказал мне, шапку на уши надвинув:
- Погнали, брат, под золото витрин!
Родная «Лада» - благостный кабак:
В нём млеют в ожидании девицы –
На день-другой возможно обжениться –
Любовь-морковь по съёму за коньяк.

Здоровьица тебе, мой милый ресторан!
Привет вам, заводные музыканты! –
В полоску фраки, розовые банты –
Устройте мне, как в юности, канкан...
Солист Геннадий песенку запел...
Прислушался: он тянет нагло вато...
Но чёрт возьми! – мои звучат стиха...
И без вина – я словно захмелел.
Воспрянул духом. Заискрился глаз.
«Ах, та в кофтенке с декольте пригожа!
Навыкат грудь и бархатная кожа...
Взглянула вроде. Я – обратный пас»
- Официант! Шампанского бокал
Той знойной даме за четвёртый столик,
И мне – грамм двести...

Я – не алкоголик:
Всего лишь на всего застенчивый баклан...
Врубай, Геннадий, снова «Падал снег...»:
Решился автор таки, всё ж на танец...
Ба! Опоздал! Спешит к ней иностранец –
С кавказских гор богатый человек...
Закрыт кабак. Под тихим фонарём
У врат его неспешно покурили.
... А дальше в том же ракурсе и стиле:
Общага заводская – славный дом.
Вошь на аркане в собственный карман
Ташу, смеясь, чтоб не было в нём пусто.
Но как порой бывает сердцу грустно
Смотреть в окно сквозь утранный туман.

* * *

Мой третий грех – мой самый тяжкий грех! –
То личное и личностное «эго»:
Люблю себя! – а прочие – из снега:
Позёмкою метут лишь для помех.
Их жалую любовью и казнию...
Всю жизнь таким пустым занятием занят.
Но тот – иной, что рядом проживает,
Такой же меркой в жизни на кону...
Он, как и я – подлец, рукастый хват!
Я для него – что лестницы ступенька:
Он тоже вор, разбойник, Разин Стенька –
Губить людей, топить княжну он рад.
Как ни ряди, покуда на Земле
Несносным сплошняком крутые эгоисты,
Иные под улюлюканье и свисты,
Кто застрелился, кто висит в петле...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ДНЕВНИК ЖЕНЫ

31. 12. 2005.

Пресветлая душа писала в дневнике:
«Я встретила свою судьбу. Я благодарна.
Мой муж – Поэт! Я этим легендарна
И после буду в райском далеке...
Я благодарна Богу! С каждым днём,
И с каждым часом, с каждой секундой
Коплю я чувство в этой жизни чудной
К нему, родному, трепетным огнём.

Счастливая я женщина! Не зря живу!
Я жить должна по Божьему Завету:
Немало добрых дел свершается по свету –
Они, как яблоки, срываются в траву,
Созрев на веточках...

Надкусишь – чистый мёд!
Вот я б таким же яблоком хотела
К ногам супруга скатываться спелым...
И пусть меня без усталости жуёт!
И всем на свете по кусочку от души,
Кто любит жить открыто и крылато.
Не буду думать даже в час заката,
Какие там, за облаками, курмыши...
Наверно, райские... и яблоко в саду
Сладко, коль Ева надкусила...
Бог осерчал: «Давай, бесовска сила,
С Адамом вместе... к падшим на беду.

Прочь от Меня! С очей моих долой
В тартарары – на грешную землю...»

Я на земле живу, похожая на птицу:
Так муж сказал, а он апостол мой...

Да, Галка я! – земной счастливый птах:
Я крылья для полёта обретаю –
Люблю, пою и верю, что летаю
Живой и вечной в белых облаках»...

31. 12. 1985.

«Так было двадцать лет тому ещё назад:
Я Новый год встречала у Елены,
Пришли друзья, которым нет замены,
И Незнакомец... сам себе не рад...
Угрюмый дядька... Говорят – поэт.
(Конечно, в школе Пушкина читала,
Но прозу жизни я предпочитала:
Реально представляла белый свет).
Пришёл незванный – в уголке сядь...
А он явился шумно – с пышной ёлкой.
И то ли укололась я иголкой,
Иль вспомнила про школьную тетрадь.
(Однажды, помнится, пыталась тщетно я
Стих написать для мальчика из класса...
Сидела ночь, к утру мне стало ясно:
Не получила сердца шепотня).

Но любопытство – женщины конёк:
Не только ушки – глазки на макушке...
Гирлянды вешала и хрупкие игрушки –
И что такого... кто б ему помог?

Настало утро – самый первый день в году
Любви моей, что длится бесконечно.
С какой-то тайной грустью он сердечно
Проговорил: « На Рождество приду...».
И далее, с размаха, будто отрубил:
«Считай себя законною женою...
Всю жизнь искал и вот нашёл...
не скрою:
Поизносился малость. Дурнем был».

«Седьмого, вечером, приехал Константин!
Забавно-строгий, с чёрным дипломатом,
Достал вино. Казался виноватым
В вечернем свете в проблесках седин.
И я – не девочка, но так далось судьбой.
За стол мы сели – тихие, как мухи,
Тетрадки в кейсе...

Он пояснил, - всегда ношу с собой...»
Включила телевизор, чтобы не молчать,
А там – поэт! – мой Незнакомец милый:
Такой же с виду грозный и унылый...
Унынье – грех: от дьявола печать.

-75-

Причал – мой муж... и лучше в мире нет,
Надёжней нет (я убедилась в этом)...
Я мысленно пред всем огромным светом
Нарисовала доченьки портрет:
Глаза и косы пусть у матери возьмёт,
А у отца высокий лоб и губы,
А нос и щёчки мне любые любви,
Овал лица... тут пусть луна в зачёт.

Бродила в парке по резной тропе,
И солнышком мне напекло макушку,
И я состряпала нелепую частушку
С большой любовью, доченька, к тебе.

*« Ты расти, цвети цветочек
В кругленьком животике!
Все собачки тихо лают
И мурлычут котики...»*

Я, гордая, счастливая, смотрю
На зеленеющую травку, на цветочки
С одной лишь целью, чтоб всегда у дочки
Желанье было праздновать зарю:
В лучах проснувшись, млею от красоты,
Встречая утро добрым, нежным словом,
И никогда в порыве бестолковом
С черёмух белых не срывать цветы.
Стихи слагать, как папа, на заре,
А можно не писать, но гордым их напевом
Питать себя и в чувстве самом первом,
Да и потом в любой своей поре...»

Как говорится, ворожба сбылась:
Танюша родилась и умной, и пригожей –
На мамочку характером похожей...
Но и с отцом- «причалом» вижу связь.

27. 09. 1987.

«В разгаре осень. Жёлтый лист летит
К оконному стеклу прижался грудкой.
Я родила. Считаю: «... третьи сутки».
Окрепла. Нагуляла аппетит.
Огромный и счастливый труд!
Голубенькое небушко сверкает.
... Ко мне мою дочурку не пускают.
Жду и молюсь... О, кажется, несут!
Сказали мне: «Да ты – как мел! – бела!»
И положили на руки кулёчек,
Живой! родной! горяченький комочек!
Я долго шелохнуться не могла.
И чуяла, как слёзы мои вязки,
Но это слёзы счастья потекли.
Они мне щёки, губы припекли,
А на меня смотрели дочки глазки...
Большие, голубые... как река ...
Над ними бровки – мягким чёрным углем –
Слегка широкие... и выгнуты, как дуги...
Как два взлететь готовых голубка.
Теперь уж точно у меня семья...
Я успокоилась – себя уж не тревожу.
Я счастлива – на папу дочь похожа –
«Рассадинка» хорошая моя!

Я первый раз кормлю роднульку-дочь...
В блаженстве робком материнской грудью!
Наполнена земной священной сутью:
От Бога даром – ближнему помочь...
Неторопливо дочь посасывает грудь,
В мои глаза глядит, притихнув, из пелёнки:
Наверно в них плескались жаворонки
И не желали в небо упорхнуть.

Мы обе наслаждались в этот миг...
Прижав к себе божественную кроху,
Я проживала целую эпоху...
И этот миг – как космос, он велик!
И что в тот час я поняла ещё?
Что я теперь великая защита
Той беззащитной, что со мною слита
В единое, земное существо».

10. 10. 1988.

«Моей дочурке годик с небольшим.
Спокойная. Практически не плачет.
У папы на коленке резво скачет.
Мы все втроём на кухне сидим.
Соскучилась девчонка по отцу.
Куда уж мне? Я день и ночь – всё дома.
В декретном отпуске...

Такое нам знакомо:
Нам, женщинам, бездельничать к лицу...
С утра до вечера готовить и стирать,
Родное чадо нянчить только в радость,
Соснёшь часок – в душе такая сладость,
Такая телу снова благодать!

И вдруг... О, это слово «вдруг»!
У дочки жар. Танюша заболела!
Я, как смогла, таблетку неумело
Ей в ротик сунула...
И свет в глазах потух.

Что я наделала: почти не дышит дочь.
Озноб её охватывает тельце...
Вот дура глупая! Кричу- зову умельца
Врача, что по-соседству, чтоб помочь...
Он девочку мою от смерти спас –
Поклон ему на все года и сроки!

В тот день картавили несносные сороки –
Примета страшная к болезням среди нас...

Одна лишь мысль, что дочке только год...
Умру и я, коль оказалась «чуркой»...
Запомнилось, что, если что с дочуркой,
То Костя меня, мёртвую, прибьёт...
И, слава Богу, что дурное не сбылось.
У девочки обычная простуда...
Мы докторов призывали отовсюду:
Ведь на земле живущий – только гость...

Но с той поры в меня вселился страх –
Он постоянный: вдруг чего случится?
И над кроваткой дочки, как орлица,
Я зависаю снова впопыхах...
Спасать... спасти родимое гнездо –
Детёныша прикрыть от зла крылами...

Она же сердится, приказывает маме:
- Ты спать иди. Заснула я давно».

13. 01. 2006.

«Люблю я провожать прошедший год
Икрою красной, в трепетной идиллии...
Сказать ему: «Ну вот и проводили!»,
Чтоб он ушёл, как старый доброхот.
За ним – на службу муж, и дочка – по мечтам...
Одна я в доме в думе безответной,
Спешу к тетрадке тайной и заветной:
Денёчки все расставить по местам.
Такая пропасть лет, путей-дорог...
Ужасно страшно – дочь уже студентка.
В квартире стол, диван и даже «стенка»,
Ковёр на пол большим квадратом лёг.
Журнальный столик. Ваза. В ней цветы.
Подарок мужа – кофточка. Надела.
Сама купила. Здесь такое дело:
Писатель он... так уж старайся ты
Самой себе на праздник угодить...
Винца ли выпить, чтобы не сердиться?
Нет, не могу. Сегодня мне в больницу»...

И оборвалась мыслей стройных нить.
Прошла на кухню, грустная, тишком.

«...Я обожаю сборища и песни,
Чтоб муж сидел, красивый, в мягком кресле,
А я на подлокотнике резном...
Желаю всем веселья и добра!

Но вот сегодня мне б одной хотелось
Скопить в душе и песенность, и смелость,
Какой жила я вечно... и вчера.
Здоровья вам, родные и друзья!
Мы соберёмся как-нибудь весною:
Черёмухой чтоб пахло и сосною,
Чтоб на снегу не падали, скользя.
Я так расшиблась в эти ледяные дни!
Внутри завёлся хрип. Он постоянен.
Приятель мужа Николай Варавин
Сказал мне строго: «С этим не тяни!»
И рассказал такое, что душа зашлась –
Меня коснулась чёрная тревога:
Его супруга пятый год у Бога –
Лишь двадцать лет меж ними вышла связь...
Он в пятьдесят законченный старик,
Обходит женщин дальней стороною:
- Всего на миг глаза свои прикрою
И слышу крик, её прощальный крик...
Как будто вновь, весёлый, чуть хмельной
Вхожу опять в ночное новогодье,
(В шинельке серой – ваше благородье!) -
А в нём она берёзкой под луной...
Помиливались чинно до весны,
В апреле-месяце закончилось всё «загсом»...
Вы как, Галина? – помнится, что часом,
Как мы, апрельские...

И сколок тишины.

А боли страшные – кричу на полный голос,
Во мне как будто что-то раскололось...
И по живому режет всё больней...
Сейчас мне невозможно умереть...
Я ради дочки у хирурга на столе...
Мудрейшая из истин на земле:
Жить ради жизни!

Умирать – не сместь.
Без мамы доченьке нельзя пока никак.
Кто будет так её любить, лелея?
Опять сорочье разгулялось племя
И лезет человечеству в друзья.

У страха смертоносная игла:
Уколет так: тут либо или либо...
Спасибо, Господи, великое спасибо!
Через недельку дома я была.»

14. 01. 2010.

« В моей тетради пустота страниц,
Но, главное, опять её достала.
Мне радостно: живу, как не бывало
Болезни страшной – боли без границ.
Упущенное время не вернуть,
И многое не вспомнится, конечно.
Уж так устроен мир обычных грешных:
Отбедовала – кончен жизни путь.

Но, сколь не трудно, память разбужу:
Начну с девятого из нового столетья:
Никак не думала, так грустно заболеть я,
Ведь я Добру так преданно служу!

Плыть далее земному кораблю -
Сошла с него - никак ни ожидала...
Я кутаюсь в пустое одеяло –
Теперь вне мужа одиноко сплю.
Одна утеха – личная тетрадь –
Дневник сумбурный – без конца-начала...
Но всё в нём правда: счастье в нём звучало...
В Любви, в Надежде трудно умирать.
О, нужно жизнь прекрасную ценить!
Какая есть – другой уже не будет:
Уже не ты, живут другие люди,
И ты для них – оборванная нить.
И надо слушать собственное «я» -
Идти по жизни весело, свободно,
Не пресмыкаясь, как кому угодно,
Идти к себе, не нужно – от себя...
Свобода, безмятежность для души –
И есть вся жизнь... и надо добиваться
Душевного спокойствия и глянца
Без воплей в человеческой глуши.
Я к этому стремлюсь, хоть вышел срок
Моей Судьбы... Но вдруг придёт удача...
Коль выживу, я буду жить иначе,
Легко и тихо людям невдомёк...

... девятый год размахисто идёт
Не руганного, новенького века –
Любовями и верой человека,
Что в нём не будет гибельных невзгод.

2. 01. 2009.

*«У моря, у синего моря
Со мною ты рядом со мною.
И солнце светит... лишь для нас с тобой
Целый день шумит прибой.
Прозрачное небо над нами,
И чайки кричат над волнами:
Кричат, что рядом будем мы всегда,
Словно небо и вода ...»
Из японской песни.*

Санаторий «Бирюза»

«Чудесно!

Море. Солнце. Пальмы. Мы вдвоём,
Как будто снова в молодость вернулись...
Ах, влюбчивость моя! Ох, золотая юность!
Шуми стихия! – божий водоём.
Шальной (курортный), исключительный роман
С любовником – с родным, счастливым мужем.
Никто не верит. Прочих флирт заужен
Привычно в унижительный обман...
Осудит Бог, а я лишь тайно улыбнусь
Себе такой особенной... и верной
Из века прошлого... давно «несовременной»
Татьяне Лариной... охватывает грусть...

Проснувшись, в южную вступаю синеву
Спешу, спешу к незамерзающему морю:
И только личико в волне его омою,
Почувствую: я правильно живу...
О, здравствуй, море! Пробуди меня!
Кричу (визжу) в пленительном восторге.
Наверно, так устраивали оргии
Древнейшие из древних у огня.
И вдруг я стихну, вновь поражена:
Сегодня море таинством сокрыто:
Шуметь нельзя – рождается молитва,
И знаки раскрывают письма.
И будто слышу: молишь обо мне,
Чтоб я жила...

Живу – не беспокойся...

Весь оптимизм и всё моё героизм
С приливом возвращаются в волне...
Одно лишь беспокоило меня:
как дочь?

Два раза в день звонила и скучала:
Сейчас зима у волжского причала –
Морозит степь завьюженная ночь.
Поговорю с дочуркой – весела опять:
Налю на сон грядущий мужу рюмку,
И в тайном сне обдумываю думку,
Что надо дочку замуж выдавать.
Упомянуть вполне уместно тут,
Что Константин, шутя довольно круто,
Сказал обеим: «... после института!»
И вышел срок. Окончен институт.

Вещает сердце, да и разум говорит:
Взбунтуются Татьяна и Евгений,
И я не против этих намерений...

Сегодня в Сочи снег.
Какой волшебный вид!

Ах, город Сочи! - солнечный бомонд.
Везу в него его лауреата.
Но, Бог свидетель, я не виновата:
Музей Островского закрыли на ремонт.
Но Косте не впервой вскрывать замки...
И директриса прикатила вскоре.
И вот сидят они – о чём-то спорят:
Прорезались на скулах желваки.
Пустой их спор: Корчагин где-то там...
Как Дон Кихот, как некто страстный Овод,
И премия Островского не повод
Узкоколейки строить по ночам...
Мой Константин настаивать не стал:
По комнатам прошёлся, посидел на стуле,
Перекатив опять желвак по скуле,
Он на кровать прилёг его, нахал...
Свою судьбу примерить захотел –
С судьбой Островского её запараллелить,
Не нужно, Костя, время не проверить
Обычным сходством двух страдавших тел...

Сегодня будет ночь всю напролёт
Страдалец мой прикладываться к рюмке,
И я не спать в своей крошечной думке;
«Как трудно с ним – с поэтом – жизнь течёт!»

И если бы не море, завтра бы с утра
На поезд бы – домой к своей дочурке...
Проснулась: на столе и под столом окурки,
И новые стихи – из-под пера.

И вновь живу я в сказочном лесу –
Самой себе кажусь поющей, звонкой птахой
Не буду больше «охать», даже «ахать»:
Пойду-ка мужу завтрак принесу...

И вот мы дома. В доме приговор:
Сказали молодые: «Мы решились!..»
И понеслось: невесте платье сшили –
Вот-вот и вспыхнет свадебный костёр...
Нас четверо: две сватья и сватья...
От кофе и от чая захмелели...
Не расслабляться: свадьба – на неделе,
Но время есть – ещё окрепну я.
На Покрова..... »

На Покрова... Шёл дождь. Морозило слегка.
Но снега не было. Я это точно помню.
...Прикрыл я сердце скомканной ладонью:
«А дальше что?»...оборвалась строка.
Беда – к тебе, несносный эгоист?!
За сердце держишься, видать, совсем прижало...
Дневник жены с конца и до начала
Читаю заново и глажу каждый лист.
Там, за окном, идёт печальный снег...
Любимую, прекрасную, родную
Я никогда уже не поцелую...
Себе я не прощаю этот грех.
Он самый тяжкий: видеть не уметь
Страдания родного человечка...
Там, за окном, берёза, будто свечка –
В помин души она горит... на смерть...

ОПУСТЕВШИЙ ДОМ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПЁС

Не тот июль, не те в нём соловьи,
Сирень у дома чахнет и редееет,
И девочка моя Галинушка сидит –
Подкрашивает волосы свои.
Как грустно мне: жизнь только
началась:

Всего лишь двадцать лет сверстали
в книгу нашу...

И я седой, но чуб я свой не крашу,
Такая карта мужику не в масть.

Беда в другом: рассудочно живу...
Где чувства? – необузданные страсти,
А ведь когда-то рвал себя на части,
Коль кто-то глянет с меркой на жену.
Готов, как Пушкин, вызвать на дуэль,
Иль, как Есенин, лезть в любую драку...
Вчера я встретил старую собаку –
Сравнил с собой – ну лучше я кобель...

Ни слова о любви – одна сплошная злость
О том, что я не тот... соловушки притихли...
Вот так же псу отжившему привыкли
Подсовывать обглоданную кость.

Я говорю жене – своей Душе:
«Давай с тобой такое отчубучим:
Оставим дом с его благополучьем
И заживём, как прежде, в шалаше...
Чего терять? Дочь замуж отдана,
И мы теперь свободные, как птицы...
Зовущий свет от звёзд и ранние зарницы –
Весна, любимая,... опять поёт весна!

Уйдём... уедем... поездом... пешком...
К реке Хопру – к истокам Бузулука...
Что дожидаться внучки или внука?
Жизнь коротка. И внуки не причём.
Отменной бабкой ты бы им была,
А из меня какой, к чертям, дедуля?
Жить без тебя... уж лучше в сердце пуля –
Смертишку ждать не мне из-за угла...

Как в доме пусто! Слабый свет свечи
На столике с молитвой поминальной...
Прости меня: я вовсе не скандальный –
Немного выпил – слёзы горячи.

Давай уедем к морю навсегда!
Ты им жила последние денёчки.
Как страшно пропадай поодиночке:
Ты там – вдали, а мне опять сюда...
Любимая! Родная! Свет зари
Растёкся по шоссе – по утреннему тракту...
Пса шелудивого – побитую собаку
В дорогу дальнюю ты к морю позови.

ПРЕДТЕЧИЕ БЕДЫ

Всю ночь копился мрак над головой.
Сон снился злой и безобразный:
Мне мнился «рак» клешнеобразный –
Диагноз страшный, роковой...
Настойчиво звонили в нашу дверь
В прыжке застыла «скорая» у дома...
И я вопил: «Какая «карцинома»? –
Какой такой неведомый мне зверь?»
И понеслось: за кадром новый кадр –
«Операционная», и я, как тень, снаружи,
И коридор – он с каждым шагом уже...
Февраль закончился и начинался март...
В палате душно. Я открыл глаза.
Меня позвал Галины слабый голос.
«Всё наяву!» - в мозгу перемололось,
А сердце прокричало: «Так нельзя!»

Какие сутки я кручусь волчком,
Как заводной, у Галкиной постели?
Сегодня мы глоточек сделали – поели! –
И вспоминали тёплый, милый дом...
Галина улыбалась. Я шутил.
Смешок зажала в кулачке Танюша.
И дальше: голос глуше, глуше...
Уснула...
Больничный свет тропиной пролёт:
Гуляет парочка – жена с законным мужем.
А коридор? – он вовсе не заужен...
Хоть ротой проходи его – широк...

- Готовьтесь к выписке,- сказал онколог-врач,-
Она ему с улыбкою: «Готова!»
Мне прошептал: «Зайдите на два слова...» -
И в кабинет вкатился, словно мяч.
Толстущий дядька – ископаемый реликт.
Бумажку мне подсунул:
- Распишитесь!
- Какая стадия?..
- Четвёртая... крепитесь...
Таков неутешительный вердикт.

РАСПУТИЦА

В апреле зимней грустью снегопад –
Распутица и на сердце гадливо:
Давай винца пригубим, Свет-Галина,
В себе разбудим прежних бесенят.
Портвейна граммов несколько плесни
В стакан любви, что издавна гранёный...
Десятый год жестокий век игорный
Зажечь пытается весёлые огни.
Нам этой гиблой горсточкой годов
Смешно и глупо, Галочка, гордиться,
Тебе полегче: всё же Галка - птица,
А птицы ближе к небушке богов.
Мне ж по земле ходить: не привыкать
Грязищу мять разбитыми ногами...
Не хочется, как гаду, что с рогами
В полуночи над крышами летать.

Я говорю судьбе своей: «Налей!»
На сердце грустно, гадостно и горько.
Зачем я горней песней мучил горло,
И думал, что я тоже - соловей.
Одни лишь хрипы-всхлипы наугад –
Нет у меня ни голоса, ни слуха.
Но, чтоб в квартире не было так глухо,
Я «бабский гимн» пою про снегопад...

Пойдём с тобой на бережок крутой,
В последний раз гульнём с тобою, Галка...
Пусть брызнет хрустом под ногами галька -
Забавный, мелкий камешек речной.
Такая гнусность, горечь, гниль и грусть
От этой жизни, Галочка, Галина...
Лети на небушко... меня ж накроет льдина:
Я в самой горькой речке утоплюсь.
Не утонул...
Покуда нет на речке льдин:
Зима – старуха белая – упряма...
Дочурка прилетела: «Здравствуй, мама!» -
И пошагали вместе в магазин.
Без них мне легче мыслилось о том,
Что дочь в неведеньи судьбы её невинна...
А ты летай, галчонок мой Галина,
Апрельским тихим, вкрадчивым снежком.

Порхай по городу, касайся спящих лиц,
Знакомых улиц, площадей и скверов –
До всех его тишайших дум и нервов
Ты прикоснись крылом от звёздных птиц.
Я так хочу, чтоб помнили тебя,
Когда апрель, а снег с небес, как звёзды...
И свежестью дышал бы чистый воздух,
Глаза слезой подтаявшей слепя.

Потом я думал: «Нынче дивный день...
Десятое апреля – я родился
И, может быть, кому-то и сгодился...
С такими вот мозгами набекрень...»
Затем уснул, вернее, задремал,
Склонив на руки голову седую.
И там, во сне, ворча и негодуя,
Подарок от жены я принимал:
Сквозь дрему долетевшие слова,
Стихами прозвучавшие в квартире:
- Мы с дочкой полувер тебе купили!
...И долго я залазил в рукава.

МАЙ 2010 – ГО

- Прошу тебя, любимый, не кури!
В прокуренной квартире сердцу тяжело,
И хоть все окна комнат нараспашку,
Дымком табачным веет от зари...

Я задыхаюсь! – ты меня пойми..., -
Жена с опаской втягивает воздух.
Сегодня у неё от хвори тяжкой роздых,
И вновь взялась за «вольности» мои.
Но как мне бросить всё-таки курить? -
В отраву эту с детских лет втянулся,
И, руку взяв жены и, затаясь у пульса,
С богами я решил говорить.
Со всеми разом: с нашенским Христом,
С Аллахом – бестелесною причудой,
С китайским многоликим Буддой
А с Кришною из Индии... потом...
Молился им, впадая в тишину:
«... я это зелье пагубное брошу!
Но вы, мои Бессмертные... хорошие,
Не забирайте у меня жену...»

Курить я бросил, вольно задышал,
Держа в лапищах женскую ладошку,
И чувствовал: Галина понемножку
С небес спускалась на земной причал.
Она скрывала от меня обман:
В одежду прятала скудеющее тело –
Всё понимая, верная, хотела,
Чтоб за улыбкой я не видел ран.
И я не видел: раны те – внутри,
С наружи – те же красота и ласка,
Богами мне дарованная сказка
В волшебном свете утренней зари:

«Теперь она поправится легко:
Я до последней сигареты докурился –
С Единым Богом я договорился,
Во мне живёт Знамение Его...»

Я строил планы весело в тоске,
Назло беде – несгинувшему горю:
С женой поедем к ласковому морю
И будем там валяться на песке.
Ей – хорошо, а мне – творить стихи:
Хочу о Женщине я написать поэму,
Как всех соперниц выгнав из гарема,
Она мои очистила грехи...
Сказал себе: «А стоит ли тянуть:
Найдутся в доме карандаш, бумага,
Зари глоток, росы живая влага...
И в добрый путь, Рассадин, в добрый путь!»
Открылась сердцу божья благодать –
Морской волной накатывают строчки.

Жена моя – мой солнечный комочек! –
Призналась с болью: «Не могу гулять!!!»

ИЮНЬ 2010-ГО

- Врача в седьмую! – бодренько зовут.
Является – во всё лицо заплата.
Опять больница. Грязная палата.
Свиданьице на несколько минут.

Всё тот же узкий длинный коридор
Он вымазан крапивной, едкой краской.
Коснусь рукой его стены с опаской –
В таком творят расстрельный приговор.

Как мумия иссохла... Боже мой!
Одни глаза влекут июльским небом:
Как прежде – голубые, с тихой негой,
И потому как будто неземной...
- Ну как ты, Галочка? – по дурости спрошу
И так понятно... глупое начало,
Но надо говорить, чтоб не кричала
Глухая боль, что в сердце я ношу.
Сегодня я несносно говорлив –
Мне хочется поахать и поохать:
- А Танечка у нас пошла работать
Бухгалтером... в хороший коллектив.
Она об этом знает и сама:
Ей сотни раз рассказывала дочка.
И на меня из тихого платочка
Уже не лето смотрит, а зима...
Так зябко веет льдистым холодком...
Под кожей слёзы будто вымерзают...
Я бесконечным разговором занят
С самим собой, катая в горле ком.
Чёт – нечет: на мгновенья жизни счёт –
Верчу из слов недетскую скакалку:
- А знаешь, милая, я ездил на рыбалку...
Хотя забыл, где речка-то течёт...

Как Волга прежде весело текла!..
И Галочка – любовь моя земная, -
Она от Бога... это точно знаю:
Её Судьба поэту предрекла.
И повелела губы её пить,
И мять её божественное тело...
С ней жизнь моя без промаху летела
Во всю свою немереную прыть.
Вливался в Волгу вольный Черемшан,
На берегу русалочкой девчонка,
И «в красной рубашоночке мальчонка»
Увёз красавицу в скопившийся туман.
Гудел надрывно белый пароход –
Он отходил от шумного причала.
В руках цыгана скрипка зазвучала –
Цыгана шляпа делала обход...
Плыла по кругу между голых ног,
Рублишки на попойку собирая –
До ада близко, далеко до рая –
Ложатся волны вдоль и поперёк.

Повеселюсь, казалось, с кондачка...
Но в этой жизни отдыха не будет,
И слушают расстроенные люди
Настроенную исповедь смычка.
Мы все погибнем, музыку творя,
От мрачных душ, растрченных на водку...
Взять на прогулку весельную лодку
Товарищ мне советовал не зря.

На ней от всех сомнительных удач
Уплыли бы на самый дикий берег...

Мне шляпу эту хочется примерить,
Пока играет спившийся скрипач...

В закатный цвет окрасилась стена.
Жена впадает в медленную дрему.
Пора, как говорится, и до дому:
Наговорились, кажется, сполна.
А дома мниться станет мне цыган...
И женщина, взлетевшая, как птица...
И грех земной – поэту можно спиться,
Когда не видно жизни сквозь туман.

ИЮЛЬ 2010 – ГО

Я из квартиры вызван в коридор.
Укол морфина. Спит моя Галина.
- Готовьтесь к худшему...
Бессильна медицина,-
И врач ушёл, потупив волчий взор.
Неужто – Всё! А как же буду Я?
И что сказать мне дочери Татьяне?
Что мамочка её денёчек лишь протянет...
И где же Бог?... и кто же Судия?
Она ведь дышит... и во сне тиха...
Ну чуть устала... Как на сердце гадко!
Горит на столике тревожная лампадка,
И свечка малость воском обтекла.
Но так ведь было тридцать дней назад...
Неделю... и вчера так было...
Она меня ничуть не отлюбила...
Тем паче дочь... и город Автоград...

Тольятти наш... и волжский говорок...
Что мягко стелется почти что безгреховно...
И каждая здесь женщина – мадонна...
Бессмертная, как Русь... Помилуй, Бог!

И вот же он семейный наш альбом...
Он полон жизни, радости и света...
И вот же книги русского поэта...
Мои стихи – душевный бурелом...

Приморский пляж...
Глазёнки на прицел:
Галиночка в прозрачном летнем платье...
Москва-тоска: писатель из Тольятти
А с ним жена-богиня – в ЦДЛ...

На этом фото варим мы уху –
Карасиков поймали... вот и варим...
А дочка-кроха спит в цветах геранях...
И голосок-звоночек на слуху...
Кажись, и я, довольный словно слон,
С женой-супругой на моей коленке...
В Москву поэту отпишите Генке,
Что он не зря в волжаночку влюблён...
Моя она! Придержит пусть губу –
Раскатывать не надо на чужое...
На Галке платьице такое кружевное,
Любого вскружит... но оно «табу»...

Жена моя, возьми на миг альбом –
Мгновения любви в моей крови играют:
Такие женщины вовек не умирают –
Поэты сгинут, а они – потом...

Стихи – мой блеф, мой тяжкий волчий вой...
Ах, Галка, Галочка, прекрасная Галина,
Я за тебя готов слететь с трамплина
Известности, пусть даже мировой...
Что слава вне тебя? – пустой ненужный звук...
Совсем ты девочка со мной на старом фото,
Как Баттерфляй российского полёта,
Лишь чуть привстал на резной каблук.

Любимая, я вижу в небе знак:
Там Скорпион – он твой по гороскопу...
Пусть из пустынь ползёт в мою Европу,
Меня ужалит до смерти... Итак...
Я так решил: я выдержу, но ты живи –
Захочешь, каждый день до гибели кусайся:
Я превращусь в монгола и китайца
Во имя нашей будущей любви...
Им, говорят, такое не впервой...
И скорпионихи у них пестры и одиноки...
А ты со мной... на выдохе и вдохе...
Покуда жив... и ты жива со мной...
Сгустился мрак. Утих машинный гул.
Ночные фонари во тьме разбрызгал город.
И я затих, проваливаясь в холод:
Прикрыл глаза и, кажется, заснул.
...И неизвестный кто-то встал из-за стола,
Прошёл к уснувшей шелестом неблизким,
И прошептал почти кошачьим писком:
« Не просыпайся! Галочка ушла...»

МОЛИТВА

Перед иконой Божьей Матери
молюсь
Христу Иисусу, Господу – Владыке...
Вокруг всё тихо. Огненные блики
Спадают с неба на святую Русь.
О, сколько нас, ушедших в никуда!
Тут философии особенной не надо:
Мы – слабые, возлюбленные чада
Лишь в памяти мелькаем иногда.

Великий Боже, душу упокой,
Усопшей женщины – жены моей Галины:
Грехи прости и возведи в былины
Недолгой, зыбкой памяти людской.
Она для мужа не была грешна,
Для дочери была почти иконой:
Не украшала тело – родилась Мадонной,
И, как родник, душой чиста она.

Её любили нежно млад и стар,
Зверьё и птицы, травы и деревья...
О, Господи, спасибо за доверье,
За Женщину, ниспосланную в дар!
Ты говорил мне: «Слабый человек...
Нуждаешься в заботе и опеке...
Я дам тебе помощницу навеки
На столь недолгий человеческий век».

О, как Гомер, я, Боже, не ослеп!
И жже не оглох я, как Бетховен...
Но почему её, как будто не достоин,
Забрал к себе, лишь только я окреп?
Нет, не ропщу, хоть вся в слезах душа.
Наверное, к жене я был не милосерден,
И смрадный дух земной мне деве вреден,
А жить на свете можно лишь – дыша.
И к звёздам улетела дева в ночь...
Но если для Тебя любой «писака» - демон,
И занят он постыдным, грешным делом,
Ты разъясни, в чём виновата дочь?
Как горлица, вилась над нею мать –
Моя Галина... Господи, помилуй!
Меня и дочку награди Ты силой:
До дня последнего святую почитать...
Нам жутко тяжело – на устах печатъ
Великой скорби и житейской смуты:
Украти напрасные минуты,
Оставь лишь те, в которых горевать...
Ты возложил на голову её венец
Венчания со мной, и благодати и чести.
Оставь её в моей заглавной песне
И в рай прими очищенных сердец.
Ты в доброте и славе не покинь
В небесном Царстве прихожанку Церкви,
Чтоб никогда молитвы не померкли
Во имя Троицы...
О, Господи! Аминь.

445028

Самарская область,

Г. Тольятти,

Ул. Фрунзе, д. 43, кв.131.

Рассадин Константин Федорович.

Домашний телефон в Тольятти: 348253

korassadin@yanlex.ru